

Константин Шабалдин
Озеро мёртвых слухов

Повесть

Новокузнецк
2022

Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Константин ШАБАЛДИН

Озеро мёртвых слухов

Повесть

Новокузнецк
2022

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Ш12

ШАБАЛДИН Константин Алексеевич

Ш12 Озеро мёртвых слухов : повесть / Константин Шабалдин ;
Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя,
Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ». – Новокузнецк: Издательство «Ник без
Compani», 2022. – 48 с. – Библиогр.: с. 37–38.
12+

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Отдалённое будущее. Земля после глобальной катастрофы неидентифицированного происхождения и качества. Столкновение технократической и эмпатической цивилизаций. И таинственное озеро...

В приложении – статьи Инны Ким и Николая Калашникова о творчестве Константина Шабалдина.

ШАБАЛДИН Константин Алексеевич родился 13 октября 1967 года в Новокузнецке. Телеоператор, сценарист, режиссер документального кино. Писатель. Дипломант международного драматургического конкурса, который прошёл в Москве. Его произведение «Гостиница Солярис» была отобрана из 900 работ, поступивших на конкурс, и была признана одной из двух лучших в номинации «Фантастическая пьеса». Лауреат премии журнала «Полдень» за рассказ «Мирные гады будней» (2021 год).

Роман «Зона счастья» (авторское название – «Организация желаемого будущего») опубликован московским издательством «Аквилегия» в 2018 году.

Рассказы входили в топ-листы сетевых конкурсов.

Член КЛФ «Контакт» с лета 2016 года.

Посвящается экипажу «Меконга»

Никто из живущих уже и не помнит,
когда произошла Творческо-Эмпатическая Революция,
но все знают: она никого не оставила равнодушным.

Легенда о Последнем из Модераторов

1.

Мишка Потехин сидел за контрольным терминалом и, не отрываясь, смотрел на тазик. Воды в тазик накапало уже доверху. Пора бы и выливать. Но сегодня Мишка твёрдо решил не делать этого. Какого чёрта?! Почему всегда он? Пусть Фрол хотя бы раз, хотя бы для виду, хотя бы что-нибудь сделает для обеспечения жизнедеятельности. Потому что в инструкции так и записано: «Дежурные операторы станции обязаны делать всё необходимое для обеспечения жизнедеятельности станции». Чёрным по белому. Дежурные. А не один дежурный. Понятно, да? Так что, извольте выполнять. Мишка перевёл взгляд на сводчатый потолок. С него капало. Уже двести лет с него капало. А точнее: сто восемьдесят девять лет, три месяца и сколько-то там дней.

Скрипнул шлюз кессона, и в дежурку вошёл мокрый Фрол. Он стянул с себя комбез, бросил его на калорифер, молча взял с терминала тазик и унёс его в санузел. Мишка ухмыльнулся и локтем вытер лужицу на пульте. А то, что при этом он случайно надавил на кнопку экстренной связи, было пофиг. Кнопка экстренной связи не работала уже лет семьдесят. А точнее: семьдесят три года восемь месяцев и, соответственно, сколько там дней. Кому интересно пусть в архивных файлах смотрит.

– И откуда у нас взялось такое могучее чувство ответственности? – как можно язвительней поинтересовался Мишка, когда Фрол вернулся с пустым тазиком и водрузил его на прежнее место.

– Оно проистекает из чувства самосохранения, – дружелюбно ответил Фрол. – Дело в том, что когда вода начинает переливаться через край, а ты не реагируешь, значит, выливать воду пришла пора мне. Иначе ты лезешь в драку. Мы уже четыре раза дрались из-за этого чёртова тазика.

– Да? – разочарованно спросил Мишка. – Ничего такого не помню.

– Естественно. Просто ты поудалял эти воспоминания, а я сохранил.

Мишка внимательно рассмотрел застарелый шрам на подбородке у Фрола и спросил:

– Ну и кто кого?

– Когда как, – ответил Фрол, потирая шрам.

– Да, представляю себе, – произнёс Мишка со злорадством. – Слушай, должно быть, это было эпическое зрелище. Жалко, что я удалил. С чего бы?

– Откуда мне знать? – пожал плечами Фрол. – Гигиена памяти – дело интимное.

Да. Гигиена памяти. Почти все из первого поколения вечных или сошли с ума, или покончили с собой. Потому что тогда ещё не была разработана технология гигиены памяти. Чистка каждые пятьдесят лет. Это была мучительная процедура: отрезать от себя ломти личности и понимать, что это навсегда. Но иначе в результате пресыщения информацией неизбежно наступали депрессия, безумие, смерть... При этом технология не позволяла сохранять только радостные воспоминания, а все горести и печали пускать под нож, необходимо было сохранять пропорцию. Мишка когда-то мудрил с программой чистки, но это было так давно, что теперь он и не помнил, чего, собственно, добивался. Впрочем, если интересно, всегда можно заглянуть в архивные файлы.

Фрол уселся за пульт наблюдения рядом с Мишкой и врубил обзорные мониторы.

– Опять будешь за эмпаатами подсекать? – ехидно спросил Мишка.

– Буду вести наблюдение, – сказал Фрол.

– Не надоело?

– Нет.

– Слушай, ну что в них такого интересного? Чумазые, наверняка вонючие.

Дикие.

– Ага. Они дикие. А мы тут с тобой сидим все такие высококультурные, – пробурчал Фрол, нажав на кнопку старта дронов-амфибий.

Мишка с минуту размышлял, наблюдая за отметками дронов на локаторе, как они сначала всплывают, а потом взлетают, а потом спросил:

– Я так понимаю, что и этот диалог у нас с тобой также не в первый раз происходит?

– Да уж, – усмехнулся Фрол. – Когда-то ты с интересом следил за бытом эмпаатов, но тебе быстро наскучило.

– А тебе?

– Мне интересно.

– А почему мне нет?

– Не знаю. Последние полтора года, должен сказать, ты слишком часто и тщательно чистишь память. Поэтому я всё меньше про тебя знаю. Знаю только, что сериал «Место встречи изменить нельзя» ты смотрел примерно двадцать тысяч раз. А фильм «Книга про конец света сегодня» примерно тридцать тысяч раз.

– Тридцать тысяч раз?! – изумился Мишка. – С ума можно сойти. Должно быть, мне очень нравится. Как ты сказал? Про конец света сегодня? Пойду, гляну.

– Нет, ты лучше сюда глянь! – почти закричал Фрол. – Нет, я серьёзно, посмотри. У них там реально какая-то фигня творится...

2.

Слухачи всегда завтракали первыми. Так было заведено. Колясик ничего против этого не имел, они и к Озеру тоже всегда первыми отправлялись, а там путь не близкий, тернистый. Но вот дополнительная пайка масла, которую слухачи демонстративно ложками намазывали на хлеб, вызывала в животе у Колясика тревожное бурление, производила в душе адское смятение, будила в мозгу греховные мысли. Не честно это. Озеро на всех поровну даёт, а старшие медиаторы вон как распределяют!

Слухачи отвалили с раздачи, и тут уже Колясик никого вперёд себя не пустил: взял пшёнки, хлеба пайку, ну и масло. А стаканы с чаем к столу приносили дежурные. Чаёк был ничего себе, сладенький, но понятно ведь, что раз сахар, по норме положенный, не кусками раздают, а сразу на кухне в кипяток сваливают, то непременно уворовывают! Но по-другому нельзя, по-другому сахар быстро превращается в валюту. На него играют, на него спорят, на него покупают барачных шлюх. Из-за него дерутся. Так что лучше уж так.

Слухачи за соседними столами доедали свою двойную пайку, а Колясик размышлял над вечной дилеммой: намазать кусочек масла на хлеб или положить его в кашу? И так и так вкусно. Вот ведь как хорошо слухачам, у них такой проблемы нет, они одну пайку в кашу, другую на хлеб и трескают вон сидят, ажно вспотели. Хорошо быть слухачём, Колясик бы не отказался. Но карьера слухача ему никак не светила. Нету у него таких способностей. А вот в шепталы вполне можно было податься, ему предлагали.

– Не пихайся, – строго сказал Колясик застольному соседу, канифольщику Митеньке. Митенька в ответ заблочился, и Колясик продолжил размышлять.

Шепталы, прощелыги те ещё, тоже пользовались привилегиями: им в неделю набегало по два дополнительных часа сна. Но ведь язык подрезать придётся! Этого Колясик не хотел категорически и поэтому давно смирился со своей незавидной участью вечного нюхача. Зато никогда никакого насморка и шерстяные носки в придачу, и одеяло тёплое. Тоже неплохо. А язык себе пусть дураки режут, Колясик не такой.

– Заканчиваем приём пищи, чуварищи, – объявил дежурный старший медиатор, и все с новой силой застучали ложками, выскребая из мисок остатки каши.

Щупач Стасик, что сидел напротив, жестом показал Колясику, что, дескать, разговор есть, и не при всех. Колясик его на выходе из столовки дождался, и приятели зашли за угол. Стасик разблочился почти наполовину, и Колясик почуял его истовую убеждённость. Это показалось Колясику странным, потому как Стасик брехлом был несусветным. Из вежливости Колясик тоже чуток ослабил ментальный блок, но всё же не настолько, чтоб его как открытую книгу читали все кому ни попадя.

– Озеро волнуется, – доверительно сообщил щупач, и Колясик обомлел.

Последний раз Озеро волновалось, когда Колясик был ещё ребёнком. Тогда же в Посёлок навевались странные люди, с которыми вышла

какая-то неприятная заварушка. Колясик толком не помнил, да и никто уже не помнил, остался только страх перед чужаками да запрет на дальние вылазки через лес. Хотя никаких чужаков с тех пор никто ни в глаза не видел, ни спиной не чуял. А чтоб через лес ходить – надо совсем заблоченным быть, кому это надо, через лес ходить? Запрет, тем не менее, действовал, а зачем – всегда можно у старших медиаторов спросить.

– Насколько сильно волнуется? – спросил Колясик.

– Вот так, – Стасик показал ладонью метра на полтора от земли.

– Ох, – сказал Колясик.

– Ага, – согласился Стасик.

– Ты откуда знаешь?

– Слухачи трепались.

– Тогда точняк. Эти знают.

– Ну.

Успокоить разволновавшееся озеро можно только жертвой. Это все знают. Об этом поют песни и рассказывают легенды. Этим пугают детей. Это бывает редко. Последний раз Озеро успокоили теми самыми странными пришельцами. Двое их было. В бронезилетах. Только булькнули, и пузыри пошли, видать, тяжёлые были бронники.

– Пойдём, глянем, – предложил Колясик.

– Так не наша смена.

– Всё равно пойдём. Хочу позырить.

И почапали кенты к Озеру. Шли через лес, продирались сквозь бурелом, по пояс в густой траве, то и дело, цепляя на морды липкую паутину. Вот тоже – правило! Нельзя чтоб к Озеру тропинки были, всегда новым путём ходи. Зачем, почему? Неведомо. Но если прознают старшие медиаторы, что сноровил напрямки проскочить – сгниёшь в канифольщиках. Ладно хоть с дороги при всём желании не сбиться, не заплутать в страшном лесу: днём и ночью высоко в небе светит Ободок. Висит он прямо над Озером. Ободок с Озером связаны двумя трубками. По одной Озеро своей водицей Ободок питает, по другой в ответ телесной материей Ободок делится.

В Легенде о Последнем из Модераторов сказано, что Ободок это «станция на геостационарной орбите». Но слова такие, хоть и веет от них мощью древних Доцентов, которые Творческо-Эмпатическую Революцию замутили – слова эти нынче мало кто понимал. Старшие медиаторы, может, и понимали, но никому не рассказывали. А может, только вид делали, что понимают, их не разберёшь, у них ментальные блоки крепки, мысли далеки, а слова и вовсе редки. Зато рожки откормлены. Колясик представил ломоть белого, непайкового хлеба, который для старших медиаторов делает в поселковой пекарне Манюня. На ломте лежали два жёлтых-жёлтых куска масла. Потом Колясик представил кружку парящего какао. И чтоб какао не из банки, а натуральное, в кастрюльке сваренное. Но со сгущёнкой! Потом Колясик представил Манюню, как она, низко нагнувшись, ворочает половником в котле с кулешом. Сзади он её представил. И спотыкнулся о

корягу, а падая, ухватил Стасика за пояс, а тот, как назло, повалился прямо в муравейник. Стасик на полсекунды разблочился полностью, и Колясика обдало волной глубокого негодования.

Чтоб не столкнуться с дежурной сменой, к Озеру подошли с дальней стороны. Озеро вроде бы выглядело как обычно. Вода в нём была очень синяя, не такая, как в реке. Щупачи, как всегда, стоя по пояс в этой синей воде, водили руками по поверхности. Щупали. Нюхачи слонялись вдоль линии прибоя, вытягивали шею, мотали головой. Нюхали. Шепталы, кто, лёжа на пузе, а кто и просто стоя на карачках, шептали в воду нужные, им одним ведомые слова. Всё как обычно. Слухачи услушивают, бормачи обормачивают. Вдалеке, на железке, канифольщики поют артельный запев: «Канифоль не канифоль, всё равно проскочит вдоль». В их сторону прямо из Озера тянулись рельсы, по которым на берег уже выезжали вагонетки со жратвой. Всё как всегда. Вот только в самой серёдке озера, там, где из воды торчали две трубки, уходящие в бесконечную высь, маячила мёртвым маревом жуткая зыбь. Озеро волновалось. Дрожь пробежала по спине у Колясика от этой картины и во рту пересохло.

– Ну всё, амба, дорогие чуварищи, – со странным злорадством заявил Стасик. – Теперь жди, что медиаторы непременно пайку урежут.

– Куда её больше-то урезать?! – всполошился Колясик. – И с чего бы? Склад же под завязку маслом забит, все знают.

– А это не важно, – со знанием дела продолжил нагнетать Стасик. – Ты вот вспомни. Эпидемия синюхи была, пайку резали? Резали. Нашествие зайцев-шагунов было, пайку резали? Резали. И когда старейший медиатор помирать надумал, тоже почти неделю сухим пайком выдавали. Понимаешь? Это же не потому, что со жратвой напряг, а просто чтоб народец в момент лихих испытаний не об чём другом не думал, кроме как об ей. Об жратве, то есть.

Всё это Стасик плёл, ни на чуточку не ослабив ментальный блок, и Колясик к словам его отнёсся легко. Только вдруг с чего-то припомнились строчки Легенды о Последнем из Модераторов: «И поймёт каждый каждого, как себя самого. И почувствует боль его и чаяния. И посочувствует!». Ну и где спрашивается сочувствие Манюни к нему, Колясику? Ведь сто раз просил хотя бы сиськи показать! А старших медиаторов к себе в каморку при пекарне ночевать пускает...

Стасику же сказал:

– Жратва жратвой, а ты подумай лучше, кого на этот раз старшие медиаторы в Озере топить будут?

3.

Фрол рассказывал, тыкая пальцем в обзорные мониторы, а Мишка с интересом слушал.

– Видишь? Это у них медиаторы, типа старейшины, они всем заправляют, – говорил Фрол. – Сейчас у них типа сходняк, решают, кого в озере топить.

– Зачем?

– Сам же говорил – дикие люди.

– И всё же?

Фрол вздохнул и как будто бы в миллионный раз отбарабанил:

– Примерно раз в двадцать пять лет, иногда реже, иногда чаще, озеро над нами входит в фазу нестабильности. А их, дикарей, это почему-то жутко беспокоит. Они тогда кого-нибудь натурально приносят в жертву.

– Как?

– Топят.

– Херассе. А с чего возникает фаза нестабильности?

– Кто бы знал. Но самое интересное, что каждый раз после жертвоприношения озеро действительно успокаивается.

Мишка задумался и посмотрел на тазик. В тазик капало. Посмотрел в мониторы. Там мелькали какие-то сельские интерьеры.

– А дронов эти дикие люди не замечают?

– Дроны замаскированы под москитов, – терпеливо пояснил Фрол.

Мишка ещё пристальней вгляделся в монитор. В полутёмном помещении, при виде которого припоминалось слово «хижина», кружком сидели на корточках волосатые и бородатые старики. Штук десять. И не скажешь на первый взгляд, что злостные утопители. Нормальные такие, с виду мирные, улыбаются. И разговаривают между собой очень-очень вежливо. Даже как будто бы подобострастно.

– Слушай, а чего они так сюсюкают?

– Они же все эмбаты.

– И чё?

Фрол посмотрел на Мишку с жалостью. Мишка на всякий случай сделал умный вид.

– Не важно, традиция такая, – сказал тогда Фрол. – У них там весьма сложная система социального взаимодействия. Но главное, что всё крутится вокруг озера. Каждый в посёлке имеет свою специализацию по взаимодействию с окружающим миром, а озеро для них – центр вселенной. И они эту вселенную, как умеют, ублажают. Неужели ты и это забыл?

– Это я помню, – недовольно произнёс Мишка.

На самом деле ни хрена он не помнил. И не хотел помнить. Ему показалось, что Фрол снова собирается что-то сказать, и Мишка резко врубил звук трансляции на полную. Дежурка наполнилась шумом покашливаний, посапываний и, кажется, даже попукиваний. Старческий такой шумок получился, унылый. Но вкрадчивый шёпот ораторствующего медиатора был твёрд.

– Слухачи услушивают добротню, это надо признать, – говорил в мониторе патлатый худой старик. – План по затоплению слухов мы выполняем. А стараниями щупачей, нюхачей и шептал, к моменту утопления все эти слухи уже мертвы, как им и положено быть. Моё особое мнение по работе канифольщиков всем присутствующим чуварищам хорошо известно, но сейчас я не об этом. Сейчас я, милые мои, об очередном

феномене волнения нашего Озера. Вижу и понимаю, что решили вы действовать по устоявшейся схеме. Но спрашиваю вас: доколе? Не пора ли, наконец, хотя бы попытаться понять мир, в котором мы живём? Хотя бы понять, а чтобы изменить, я вас даже и не призываю.

Не успел худой договорить, как с корточек вскочил дедок, видом столь древний, что казалось, весь мохом зарос. А может лишаём.

– Любезный Джоник снова нас призывает лишиться стабильности, – защебетал он фальцетом. – Экспериментов ему хочется. Голод духа у него. Познание ему подавай. И ведь блок снял почти полностью, дескать, поглядите какой я весь перед вами откровенный!

– Пашенька, да я ведь просто хочу сейчас хоть какие-нибудь правила выработать, – заоправдывался Джоник. – Чтоб хоть как-то народу объяснить.

– Критерий отбора утопленника ему подавай! – возмутился Пашенька, но вежливо.

Остальные медиаторы крутили головами, кряхтели, наматывали бороды на кулак, но пока отмалчивались. Тут в хижину вошла ядрёная деваха, неся на подносе ломтями нарезанный хлеб, и деды дружно зашамкали: «Сиськи, Манюня, сисечки!».

– Чего это они? – поинтересовался Мишка.

– У них сильный гендерный дисбаланс, не хватает женщин. Восхищаются, – пояснил Фрол.

– А кто такие женщины?

Фрол глянул зло, такие шутки он не одобрял. Да, химическая кастрация была таким же непреложным правилом дежурства, как и чистка памяти. В хижине тем временем деды разобрали хлеб и принялись чавкать. Мишка почувствовал сильный голод и сделал звук потише.

– Да. Я бы тоже чего-нибудь сейчас пожевал, – сказал он.

Фрол смутился:

– Слушай, извини! Сегодня только консервы, я сегодня миноги не собирал, я сегодня так прогулялся. На поверхность поднялся, поплавал...

– Какие миноги? – спросил Мишка.

– Ты удалил память об озёрных миногах? – поразился Фрол. – Ну. Это ты сильно, от души. Этого я от тебя точно не ожидал.

Мишка лишь пожал плечами. Он попытался припомнить вкус озёрных миног.

– О, слушай, про нас говорят, – сказал Фрол, снова увеличивая громкость.

Теперь дрон транслировал изображение толстого старика, в бороде которого застряли хлебные крошки.

– Пашенька с Джоником снова нагородили семь вёрст до небес, а народная мудрость утверждает, что до Ободка всего лишь три глотка. То есть, я хочу сказать, что всё намного проще. Мы топим в Озере слухи, а Озеро даёт нам пропитание. Так повелось со времён Творческо-Эмпатической Революции. И пусть так будет всегда. Но Озеро иногда волнуется. А это может повредить трубы, связующие Ободок и Озеро. Что тогда будет,

кто-нибудь знает? Правильно, никто не знает. Значит, Озеро надо успокоить. Всё.

И вот вроде бы осадил неопрятный старик своих оппонентов, но тоном прямо таки извиняющимся, чуть не плакал он от досады, что приходится такие неприятности произносить.

– Выходит, мы их снабжаем продовольствием? – спросил Мишка.

– Да, – ответил Фрол.

– А они?

– Они своими эмпатическими эманациями, а может быть ментальными корреляциями, а хочешь, скажи магическими манипуляциями, поддерживают необходимый уровень дейтерия.

Мишка смотрел, выпучив глаза.

– А как вообще это действует? – наконец спросил он.

– Ну, – неуверенно произнёс Фрол. – Озеро над нами наполнено тяжёлой водой. Купол станции, по сути, представляет собой фильтр. На молекулярном уровне, само собой. Он сосёт дейтерий для реактора, который вырабатывает антигравитационную суспензию. Которая, в свою очередь, дополнительно используя центробежную силу планеты, фигачит вверх со страшной скоростью. По одной трубе. А по другой вниз под силой тяжести фигачит протоплазма. Из неё синтезаторы продовольствия синтезируют продовольствие. Примерно так.

Мишка посмотрел недоверчиво и спросил:

– Фрол, а ты точно инженер?

– Слушай, я не Фрол, – обиженно сказал Фрол. – Я Фарлей Фердинанд Флойд, я тебе это миллион раз повторял.

– Всё же думаю, не миллион, – сказал Мишка. – Думаю, примерно, полтора тысяча раз.

– Из какого алгоритма исходишь?

– Ну, примерно раз в день, но всё же не каждый день.

– Триста шестьдесят пять на четырёста? – сказал Фрол, прикидывая в уме.

– Да-да, примерно так. А если тебе интересно, как устроена энергетическая станция, можешь заглянуть в архивные файлы.

– Не хочу, – мотнул головой Мишка. – Лучше ответь: а что такого произошло, полтора лет назад, что я стал слишком часто и тщательно чистить память?

Фрол молча отвернулся и с преувеличенным вниманием уставился в мониторы. А потом негромко, через плечо проговорил:

– Всё это давным-давно затеяли в АО «Руссо-вирт». Была такая контора. На обломках технической цивилизации они пытались сохранить хоть какие-то достижения прогресса. Это было невероятно трудно. В условиях перерождения самой структуры материи любые механизмы отказывались работать, электроника накрылась, химические реакции происходили спонтанно, законы физики сошли с ума. У эмпатов сохранились легенды о том периоде, они называют это Большая Лажа. Позже удалось создать

оазисы стабильности, мы один из них. Работа нашей подводной базы обеспечивает энергией орбитальную станцию, а станция обеспечивает эмпаатов едой. Всё шло хорошо, но мы тут застряли, нас почему-то не сменили. Связи нет. А озеро волнуется.

Мишка коротко хохотнул.

– Смешная фраза, – смущённо пояснил он под недовольным взглядом Фрола. – Озеро волнуется.

– Вообще-то, я думаю, это несколько не смешно, – назидательно произнёс Фрол. – Если реактор останется без дейтерия, а это случится, если озеро тяжёлой воды останется без того, что эти дикари называют мёртвыми слухами, то орбитальная станция над нами останется без антиграва.

– И что?

– И рухнет на наши головы.

4.

На обратном пути в посёлок Стасик болтал без умолку, излагая свои версии развития событий. Они были мрачными и вздорными.

– Верь не верь, но лучшего кандидата на утопление, чем ты, ну просто нету сейчас в посёлке, – убеждал Стасик.

Колясик только плечами пожимал да отмахивался.

– Ты же вечно самый недовольный, всё тебе не так. Медиаторов своими расспросами допекаешь, Джоник от тебя уже прячется. К Манюне, опять же, подкатываешь, а это не только медиаторам не по душе.

– А кому ещё? – быстро спросил Колясик.

– Всем! – отрезал Стасик. – Я тебе сто раз говорил – не нарывайся. Но ты возомнил себя. Ты же решил, что самый умный у нас, что ты же лучший нюхач, что без тебя же план никак не выполним...

– Ну, может, и выполните...

– Выполним. Ещё как выполним. Медиаторы в две смены загонят, и увидишь, как у нас производительность мёртвых слухов в гору пойдёт. Только нет, не увидишь. Как ты со дна озера разглядишь?

Всё это Стасик говорил наполовину разблоченный, но Колясик всё равно кенту не верил. Ну заврался человек так, что сам к своей брехне всей душой проникся, бывает. От этого и старшие медиаторы всегда остерегают, да и в Легенде сказано: «Не всегда верь открытому перед тобой чуварищу, ибо сам он в своей лжи мог увериться!».

– За каждую повариху топить что ли? – сказал Колясик. – Непродуктивно.

– А кто говорил, что чуварищи – это сложение лексем «чуваки» и «товарищи»?! – ехидно спросил Ставик?

– Подумаешь. Банальное словообразование. Греха в том вовсе нет, любой медиатор подтвердит. Лексемы же не ругательные.

– А ещё дрона поймал! – не унимался Стасик.

Точно, поймал. Колясик уже и подзабывать начал про тот позорный случай, но спасибо верному кенту, напомнил, скотина. И ведь не собирался тогда Колясик никаких дронов ловить, из ума ещё не выжил. Просто комара

в кулак – хоп! Чисто автоматически, чтоб не жужжал над ухом. А комар в кулаке током его – дыщ! Дрон оказалось. Откуда он взялся никому не интересно, мало ли технической дряни по лесам гниёт со времён ТвЭмпаЭр?! Но грех. Колясик тогда перед старшими медиаторами покался, ничего, простили. Но осадок, конечно, остался.

– Эдак ты ещё и книжки начнёшь читать, – продолжал нагнетать Стасик. – Нет, надо тебя утопить. Я бы утопил.

Книжки! Стасик иной раз такое скажет, что вообще. Колясик как-то раз одну книжку читал, до того ещё, как последние из них в Озере утопили. Там про деревянного пацана было. Ужас. Сила эмпатического удара оказалась столь мощной, что Колясик две недели пластом лежал, думал про себя, что стал деревянный. И нос всё время шупал: не вырос ли?

Беседуя таким образом, кенты и не заметили, как до посёлка добрались. А там уже народ на площади собрался, и все стоят кружком, в центре которого рыдающая Манюня. И два стукача её с боков за руки придерживают. А старшие медиаторы эманацию ментального приговора совершают. Суки. Приговорили Манюню. За что? Не помня себя, Колясик рванулся вперёд. Стасик попытался его за ворот ухватить, да куда там. Выскочил Колясик перед медиаторами, разблочился полностью и спросил деликатно:

– Что ж вы творите, паскуды эмпатические?

Медиаторы отвлеклись от Манюни.

– А. Это этот. Который всё расспрашивает, – задумчиво сказал Джоник.

– Нюхач Колясик, – подсказал Пашенька.

– Который электронного москита словил, – припомнил толстый неопрятный медиатор.

Остальные медиаторы рассматривали Колясика явно оценивающе.

– Не про меня разговор, – резонно заметил Колясик. – Нельзя Манюню топить.

– С чего бы? – удивился Пашенька. – Аргументируй, доходяга.

– Тебе кто слово давал, тля? – поддержал его толстый.

– Нет, пусть скажет, пусть, – неожиданно заступился за бедного Колясика задумчивый Джоник. – Скажи, почему нельзя? Все вон решили, что очень даже можно.

Джоник развёл руками, и не только медиаторы, но и, к величайшему изумлению Колясика, многие посельчане закивали.

– Можно, – сказал канифольщик Пакетик-Брикетик.

– Ещё как! – сказал шупач Толенька.

– Вниз головой, – прошамкал бормач Маратик. – Опосредованно вагонеткой.

А канифольщик Митенька эдак плотноядно потёр ладошки. Колясик почувствовал совершенную искренность их намерений.

– Но за что? – потрясённо спросил он.

– А вот за сиськи! – сварливо сказала барачная шлюха Анечка. – Ни у кого таких нету, а она отрастила.

– Так ведь за сиськи тем более нельзя, – сказал Колясик. – Всем же нравится.

– Подумаешь, – сказала Анечка.

А старший медиатор Джоник помолчал и решительно резюмировал:

– Всем нравится – не аргумент. Есть ещё аргументы, почему нельзя?

Колясик сцепил зубы и невнятно, как будто шептун с подрезанным языком, произнёс:

– Есть. Спиной чую, что нельзя, дорогие чуварищи!

Сказал и зажмурился. Спина чуйка штука тонкая, не у всех она есть, а у кого есть, тот чаще об том помалкивает. Потому что с одной как бы стороны почёт тебе и уважуха, раз предвидеть можешь, но с другой – ни в карты с тобой не сядут, ни бражки выпить. Нету доверия, раз спиной чуют можешь. Все с тобой будут наглухо заблокированными общаться, а у старших медиаторов ты всегда на особом контроле.

Но в этот раз Пашенька, хитро ухмыльнувшись, просто взглядом пробил эмпатическое поле Колясика, в самое нутро ему глянул, в самую ментальную подноготную. От такого не заблокишься, на то и медиаторы...

– Бреешь, паскудник, – сказал Пашенька.

Глаза у Колясика от столь явного к нему недоверия вдруг заслезились, в горле возник непонятный ком.

– Я, кажется, сейчас буду нервничать, – с испугом заявил он.

– Ага, чуварищи, Колясик разнервничался! – закричал Пакетик-Брикетик.

– В свинцовую его!!

Его схватили и потащили в свинцовую.

– Да всё нормально, чуварищи, всё прошло, – пытался соврать Колясик, но ему не поверили, тащили, услышал лишь напоследок, как с облегчением произнёс Джоник:

– Ну вот и Манюню теперь топить не придётся. Чего, кстати, и добивался наш милый Колясик.

Тут Колясик уже и взаправду психанул, задёргался, но кликнули стукачей, и Колясик угомонился. Со стукачами шутки плохи, они, если не в духе, могут не только кулаками по спине настучать, но и ногами по голове. И ничего им за это не будет, потому что стукачи, они и есть стукачи. Перед ними хоть весь разблочься, ничего не почувствуют, всё равно стучать будут.

– Ладно, сейчас быстро все по нарам и отбой, – сказал Пашенька. – Чтоб до утра носа из барачков не казали, а утром будет вам ритуал.

– А обед? – спросил Стасик.

– И без ужина, – ответил Пашенька.

5.

Мишке надоело глазеть на нелепую жизнь эмпатов и, наскоро перекусив консервами, он принялся копаться в архивных файлах. Их было много, невероятно много, и они не были систематизированы. Когда-то кто-то пытался создать каталог, возможно даже он сам, но с тех пор файлы продолжали накапливаться, и сейчас они пребывали в жутком хаосе, из которого вряд

ли можно было извлечь что-нибудь осмысленное. Поэтому Мишка просто листал наугад. Он хотел найти упоминания о научно-техническом центре «Руссо-вирт». Раз именно легендарный «Руссо-вирт» стоял у истоков теперешнего миропорядка, то и причины надвигающегося хаоса надо было искать там, в истоках. Чего-то не учли отцы-основатели, где-то перемудрили.

Но ему попадались всё больше скучные отчёты, графики и ведомости. Был даже график очередности выливания тазика, датированный прошлым веком.

– А крышу залатать не пробовали? – сам себя спросил Мишка.

Часто встречалось изображение одной и той же молодой женщины с короткой стрижкой. В основном портреты в интерьере. Несколько снимков в купальнике на фоне гор. Фото с собачкой на руках. И чёрно-белый видеофайл без звука. Красивая. Видимо, эта женщина когда-то была Мишке дорога, раз её снимки хранились в личном архиве. Но сейчас ничего, никаких эмоций, ни намёка на волнение он не испытывал. Даже напротив: вот эта тяжёлая складка у рта наводила на мысль о склочном характере. Ладно, пусть не склочном, пусть волевым...

Мишка залез в статистику, и с удивлением увидел, что оказывается каждый раз перед тем, как вычистить себе память, рылся в архивных файлах. Сначала каждые полста лет, а потом всё чаще и чаще. Где причина, а где следствие? Неужели он каждый раз узнавал нечто, требующее немедленного удаления?..

Немного поразмыслив, он активировал программу восстановления удалённых файлов, и достаточно быстро нашёл. Это был простой текстовый документ, но его удаляли, а потом восстанавливали десятки раз.

«Дорогой Мишка, – прочитал Мишка. – Раз ты читаешь это письмо, то значит снова пришло время чистить память. Это повторялось уже много раз, но ты всегда начинаешь копать, разноухивать и в итоге узнаёшь то, что так старательно пытался забыть. Это началось с разлада между тобой (мною) и Изольдой (если не помнишь её, гадину такую, то лучше и не вспоминай), но вряд ли причина в ней. Причина в том, что мы живём в неправильном мире, но исправить этот мир у нас нет возможности. А другого мира у нас нет. Возможно единственный выход, это стереть память полностью, обнулиться. Но у меня так и не хватило на это смелости. Может быть, тебе повезёт больше? Удачи!»

Мишка подумал, что автор письма редкостный придурок. Написать самому себе с пожеланием самоубийства и нулевым уровнем информации! Что ещё за Изольда? Мир у него, видите ли, неправильный. А какой он вообще? Как там говорил один из старших медиаторов: «Не пора ли, наконец, хотя бы попытаться понять мир, в котором мы живём?». Похоже, не его одного терзала жажда познания.

Мишка подумал, что хорошо бы выйти поплавать. Он любил, надев гидрокомбовый комбинезон, часами парить в тяжёлой воде над ржавым куполом базы. Фрол тоже это любил, но всегда придумывал себе какое-то занятие: то пробы воды собирал, то прореху в куполе искал. А Мишка, быстренько набив садок миногами, обычно просто наслаждался чувством

полёта. Но он вдруг представил, как под донными отложениями озера, затянутые илом, лежат скелеты утопленных эмпаатами жертв. Сотни, а может быть и тысячи скелетов.

Мишка подумал, что уже не хочется ему плавать, а вместо этого он снова пошёл к мониторам глянуть, а не забыл ли Фрол вовремя вылить тазик.

6.

Всё произошло почти в точности, как предсказал Колясику его друг Стасик. Его бы с такими способностями в слухачи перевести. Но Колясику это теперь пофигу. Колясик теперь, после бессонной ночи в свинцовой клетушке, куда не проникали эманации внешнего мира, был измучен как ментально, так и физически. Почти сутки не жрамши! До последнего надеялся Колясик, что придёт к нему ночью Манюня, отблагодарит. Не пришла. И теперь несчастный слухач желал одного: чтобы всё это быстрее закончилось. Поэтому когда на рассвете стукачи потащили его к Озеру, он даже некоторое облегчение испытывал. И на берег уже сам выходил, чувствуя странное умиротворение.

На берегу собрались все, весь посёлок, даже шлюхи барачные припёрлись поглядеть на обещанный накануне «ритуал». Но всё произошло так быстро, что Колясик и не сообразил ничего, даже перепугаться толком не успел. Двое крепких стукачей просто засунули его в вагонетку, придавили сверху тяжелой крышкой, да и толкнули вагонетку под уклон. Вода в середине Озера сразу начала успокаиваться, а Колясик успел ещё перевернуться на спину и неимоверным усилием, оперевшись в крышку пятками, столкнуть её. Но поздно. В вагонетку хлынула вода.

– Давай быстро в кесон! – крикнул тогда Мишка, и Фрол, схватив комбез с калорифера, метнулся к выходу из жилого модуля.

7.

Трудно сказать, о чём думал Колясик в момент утонутья. О сиськах Манюни он точно не думал. А вот мысль о том, что так никогда уже и не случится ему отведать двойную пайку масла, резанула измученное сердце нюхача. Ну а после, как и сказано в Легенде о Последнем из Модераторов, явились двое в сверкающих одеждах и потащили его через узкий лаз, через двойную дверь. Только вот вместо алмазных чертогов Ободка, как обещалось в Легенде, оказался захлёбывающийся нюхач в сумрачном тесном помещении.

Колясик ещё некоторое время перхал, сморкался и отплёвывался, а Фрол уже засел за мониторы, даже не сняв гидрокомбовый комбез. А Мишка засунул Колясику в рот ампулу бензола кофедрина и заставил разжевать.

– Ничего не понимаю, – сказал Фрол. – Озеро всё равно вошло в стабильную фазу.

– А не должно было? – поинтересовался Мишка.

Фрол взглянул на него с недоумением:

– Но ведь в этом суть твоего эксперимента? – спросил он.

– Какого эксперимента?

– Проверить успокоится ли озеро, если не дать ему жертву, – терпеливо объяснил Фрол. – Или я чего-то не понял?

Мишка хмыкнул.

– Ты совсем ничего не понял. Я просто пожалел этого бедолагу.

Фрол только глазами похлопал и снова отвернулся к монитору.

Колясик мало что расслышал из их диалога, он, едва откашлявшись от воды, снова захлёбывался в ментальных потоках своих спасителей. Они даже и не помышляли поставить блоки! Они были совершенно открыты на всех уровнях сознания, их эмоции читались свободно, их чувства были обнажены. Они, судя по всему, вообще никогда не блочились!! И, судя по всему, им не особенно было что блочить. Ментальное поле этих существ походило на выжженную пустыню, желания их были скупы, чувства обескровлены.

– Так вы и есть Последние из Модераторов! Вас двое, – восхищённо произнёс Колясик.

– Как ты нас назвал? – удивился Мишка.

– Он принимает нас за высших существ, – чуть раздражённо сказал Фрол.

– Я же тебе объяснял: в посёлке всем заправляют медиаторы, а модераторы – это из их мифологии.

– Хрена там мифологии, – обиделся Колясик. – Мифология это разными тропами к Озеру ходить, всегда глухими окольными путями. Или там технику любую избегать. Или чтоб к девкам не чаще двух раз в неделю. Мифология, это когда никто не знает зачем, но все делают. А Модераторы не мифология, модераторы на Ободке сидят, всё видят. Самый последний из них дольше всех среди нас держался, жизни учил. Но потом и он на Ободок ушёл, оставив после себя Легенду. Элементарных вещей не знаете, которые каждый канифольщик знает. Тоже мне – Модераторы...

– А ведь в этом что-то есть, – задумчиво произнёс Фрол.

Но Мишка молча взял Колясика за шиворот и дёрнул. У Колясика лязгнули зубы. Фрол поморщился.

– А не слишком ли быстро ты освоился, дружок? – спросил Мишка, но Колясик чётко чуял, что не сделает ему худого этот человек, душа которого доверху была наполнена тихой печалью и лютой тоской.

– Мне по-другому нельзя, по-другому я бы нюхачём не стал, я быстро должен всё прочувствовать! – с профессиональной гордостью ответил Колясик.

– Нюхачём? – переспросил Фрол.

– Который нюхает, – охотно пояснил Колясик.

– А что ты нюхаешь? – спросил Мишка, отпуская воротник Колясика.

– Слухи.

– А зачем?

– Топить. Они же мёртвые.

Фрол и Мишка переглянулись.

– А живые? – осторожно спросил Фрол.

– Кто живые? Слухи? Ну, Модератор, ты даёшь! Кто же живые слухи топить станет?! Да и не бывает их живых, всегда дохлые.

Он говорил о чём-то настолько естественном для себя и настолько неведомом для дежурных операторов станции, что Фрол и Мишка даже почувствовали что-то похожее на угрызания совести.

– Как это происходит? – спросил Мишка. – Ну вот унюхивание и утопление? Расскажи.

Колясик с недоверием взглянул на дежурных. Разыгрывают они его, что ли? Но их ментальные ауры ничего кроме тревожного любопытства не излучали, и Колясик попытался сформулировать понятия столь же очевидные, как запах мыслей:

– Ну вот я нюхач. Я нюхаю. Чего унюхаю, разблочившись, даю слухачам учуять. Также щупачи передают им чего ущупали, слухачи уже бормачам передают, а те в Озеро бормочут. Эдак потихоньку, без суеты, глядишь за смену пару-тройку слухов и потопим.

– Сбор информации с последующей её трансляцией, – глубокомысленно резюмировал Фрол.

– Но зачем так сложно? – спросил Мишка. – Понятно, что они напрямую контактируют с ноосферой, но почему такой многоуровневый канал передачи информационного пакета?

– Меня тоже не покидает чувство какого-то несоответствия, – глубокомысленно изрёк Фрол.

Колясик взглянул на него с благоговением.

– А вот ты ещё говорил – канифольщики. Эти что делают? – продолжил допрос Мишка.

– У этих вообще мрак, каторга, – охотно возобновил свою лекцию Колясик. – Рельсы, по которым вагонетки из Озера поднимаются, тянутся в лес до самой Стенки. Но это далеко, мы туда не ходим, там зайцев-шатунов много. Но вагонеткам всё равно до Стенки доходить требуется, так и в Легенде сказано. А рельсы-то под уклон к Озеру проложены!

– Ну и что? – не понял Мишка.

– А то. Колёса у них мокрые. Вот они по рельсам и скользят, норовят обратно в Озеро бултыхнуться. Вот канифольщики и канифолят рельсы, натирают вплоть до самого леса. Чтоб сцепление было.

– Бред, – убеждённо сказал Фрол, и Колясик обиженно замолчал.

– Погоди ты, – одёрнул Мишка Фрола и снова спросил: – А в лесу что? Что за стенка такая?

– Говорю же, мы туда не ходим, – неохотно отозвался Колясик. – Старшие не велят. Да и опасно там. Зайцы-шатуны ещё не самое страшное. А вот мышьяная стая, если набросится, или кузнечик с дерева на спину прыгнет. Чего скалитесь? У мышшей клыки – во!, а кузнечик башку тебе на лету ещё отгрызает. . .

– Слушай, а ты их видел? – спросил Фрол у Колясика.

– Кого?

– Ну вот мышшей этих, кузнечиков. . .

– Чудной ты какой-то, Модератор, – сказал Колясик. – Зачем мне их видеть, если я их чую?

– А ты их видел? – спросил тогда Мишка у Фрола.

– Увы, нет, дроны не могут так далеко уходить от базы, – с досадой ответил Фрол. – Ограниченный радиус действия.

Мишка подумал, что очень странно, что за столько лет наблюдения, Фрол, судя по всему, не имел понятия о том, как всё у эмпагов устроено, и весь рассказ Колясика является откровением для него. Ограниченный радиус действия? Ну-ну. Кажется Фрол тоже, как и Мишка, вычищал из своей памяти сведения о жизни эмпагов. Не всё, а так, кое-что, самое интересное. Чтобы потом снова радоваться счастью познания. Чтобы было чем заняться. Чтобы не сойти с ума.

– Я вот что думаю, – сказал Мишка. – Ключ к пониманию мироустройства эмпагов лежит, скорее всего, в этих самых канифольщиках. Ведь по всему получается, что у них только канифольщики и занимаются практической деятельностью.

– Девки в бараках очень даже практической деятельностью занимаются, – как бы между прочим заметил Колясик.

– Видел я, как они занимаются, – сказал Фрол.

– Это понятно, – согласился Мишка. – Ещё надо готовить пищу.

– А ещё ножи из консервных банок вырезать, аспирин из сахара выпаривать, – Колясик начал загибать пальцы. – Из маргарина мыло варить.

– Ладно-ладно, верим, – сказал Фрол, чтобы только заткнуть словоохотливого нюхача. И уже, обращаясь к Мишке, добавил: – Канифольщики слишком незначительные фигуры, они в самом низу социальной иерархии, вряд ли на них ...

– Да, тогда это не то, – согласился Мишка.

– А зачем аспирин? – заинтересовался Фрол. – Болеете?

– Я нюхач, у меня никаких насморков не бывает, – гордо сообщил Колясик. – А вот щупачи – те да, ещё как.

– А план? – спросил Мишка. – Ты говорил про план. Кто его, план этот, устанавливает?

– Это старшие медиаторы спиной чуют обязаны, – Колясик снова принялся объяснять очевидные вещи. – Они всегда знают, сколько слухов в каждом месяце утопить требуется. Они же и щупачам задачу ставят, сколько надо ущупать, а бормачам сколько надо ушептать. Так чуварищами из «Руссо-вирта» завещано, со времён ТвЭмпаЭр так заведено. В других местах может быть всё иначе, не знаю, врать не буду. Но у нас так.

– Ты хочешь сказать, что ваше поселение не единственное? – быстро спросил Мишка. – Что есть ещё люди?

Фрол, вроде бы потерявший интерес к беседе, наострил уши, а Колясик охотно подтвердил:

– Да, приходили к нам. Я ещё мальцом был. Их сперва за посланников Последнего из Модераторов приняли, но нет, не мог Он таких олухов своими слугами сделать.

– С чего же это они олухами оказались? – вдруг обидевшись за неведомых пришельцев, спросил Мишка.

– Ну, – задумался Колясик, – я ведь не помню их, говорю же, малой ещё совсем был, но все говорят, что ужас какие они несурзные были.

– Нет, правильно они его утопили, – устало сказал Мишка.

– Слушай, – вдруг задумавшись, спросил Фрол. – Скажи, пожалуйста: а что мы с ним теперь делать будем?

Колясик замер.

– Да, – задумчиво сказал Мишка. – Штатным расписанием он не предусмотрен. Пускай хотя бы тазик выносит!

8.

И потянулись для Колясика дни благодные, упоительные в своей сытости и блаженном ничегонеделании. Всех забот было тазик вовремя выносить, зато кормили его без нормы, харчевался он теперь от пуза. Правда, вот сливочного масла у Модераторов не оказалось совсем, так и сказали: «Чего нет, того нет». Но всего прочего, хоть и в консервах, потреблял Колясик без меры. Сами Модераторы, кстати сказать, насчёт пожрать оказались не очень. Так, вилкой в банке поковыряют...

Одни только озёрные миноги уважали, каждый день за ними по очереди выходили, натянув гидрокомбовые комбезы. А Колясику эти миноги не пошли, у него от них в животе бурчало. Но вот истекающая жиром копчёная рыба или ветчина консервированная, или там брынза в собственном соку – это всё приводило Колясика в восторг, будоражило в нём чувство злорадства.

Поглядели бы на него теперь старшие медиаторы! Эх. Это единственное, что отравляло уютный быт нюхача-утопленника. Не с кем было радостью поделиться. Вот бы удивился Стасик. Вот бы изумилась Манюня. Вот бы заявиться в посёлок и, разблочившись совершенно, обдать всех волной восторженного счастья.

– Пусти позырить, – каждый раз умолял Колясик дежурившего за мониторами Фрола, когда тот запускал своих дронов-амфибий над посёлком. Но Фрол почему-то не любил, чтобы Колясик наблюдал за земляками.

– Уйди от меня со своей ностальгией, – говорил Модератор, и печальный Колясик отваливал.

Ещё Колясик пристрастился к чтению. Это оказалось совсем не страшно, а, напротив, увлекательно. Правда, книжек на базе было немного, но и того, что оказалось в наличии, с лихвой оказалось достаточно, чтобы и урыдаться, и обхотаться. Все истории были, конечно, из жизни Модераторов, и многое слухачу там было непонятно. Но вот книга про чуварищей, которые не стали терпеть, что им пайку зажимают, и восстали, потрясла Колясика. А ещё они там по своему озеру на здоровенной лодке плавали, на броненосце. Почему в посёлке так не принято? Ведь можно лодок наделать и слухи топить, выплывши на самую серёдку Озера. Эдак план можно за полсмены делать...

Ещё ему очень понравилась старинная книжка «Акванавты», она объясняла, как Модераторы под водой не тонут. Но вот обложка у книжки

была оторвана, и Колясик так никогда и не узнал, как звали автора этой занимательной истории.

Так они и жили. Фрол сидел за мониторами, Колясик сидел за книгами, одному только Мишке всё не сиделось. Каждый раз, когда Колясик выливал воду из тазика, Мишка стоял рядом с секундомером, засекал время. Что-то записывал, сверял с внешними параметрами. Наблюдал, изучал, сопоставлял. Чертил графики, вычисляя на калькуляторе. Тазик взвешивал, объём воды измерял, заставлял Колясика выливать то медленно, то выплёскивая за раз. Стало Колясику это надоедать, начал он с книжкой по углам прятаться. Или ещё себе забаву нашёл: плазменный степлер! Классная штука, на кнопку жиманёшь – ка-а-ак жажнет!! А Мишка так был увлечён своими исследованиями, что иной раз и не замечал отсутствия подопечного.

Но один раз Мишка засёк всё же Колясика, когда тот подглядывал в монитор. Фрола не было, и Мишка решил напугать незадачливого нюхача, подкравшись бесшумно. Но когда он гаркнул у Колясика над ухом, тот лишь спокойно и задумчиво перевёл взгляд на Мишку.

– Чего это ты тут рассматриваешь? – грозно спросил Мишка, уверенный, что Колясик подглядывает за поселковой поварихой Манюней, но к его удивлению на экране застыло изображение той самой женщины с короткой стрижкой, от воспоминаний о которой Мишку остерегал Мишка из прошлого.

– Кто это? – робко спросил Колясик.

– Никто, – ответил Мишка. – Какая-то Изольда.

– Красивая, – вздохнул Колясик.

– Ты воду из тазика выносил? – спросил Мишка.

– Да выносил, выносил...

– Я же говорил, без меня не выносить! Ну, иди ещё раз проверь, вдруг набезало, – сказал Мишка и убрал с экрана изображение неведомой Изольды.

Недовольный Колясик повернулся уходить, и столкнулся в дверях с Фролом, который только что вернулся со сбора озёрных миног. Мишка сразу взял его в оборот.

– Я нашёл, – сказал Мишка. – Они работали с резонансами, вернее, с их затуханием. Тогда только-только начали постигать волновую структуру пространства, и пошли чуток не в том направлении. Был сделан поверхностный вывод о причинах Большой Лажы. Думаю из-за того, что тогда все они были повернуты на сохранении окружающей среды в её первозданном виде.

– Зачем? – удивился Фрол.

– Что?

– Зачем сохранять окружающую среду в первозданном виде?

– Сам не понимаю. Но у них возникла целая философия невмешательства в природу природы на базе: «Все перемены ведут к худшему». Они создали мир абсолютно статичный, непоколебимый. Даже проект у них назывался: «Immobilis in immobilis».

– То есть: неподвижное в неподвижном? Я где-то читал про такое. Или наоборот...

– Не важно, – нетерпеливо отмахнулся Мишка. – Главное, что малейшее нарушение статичности в мире после Большой Лажы, как обычно называют это эмпагы, или после Творческо-Эмпатической Революции, как обычно называем это мы, ведёт к лавинообразным последствиям. То есть мы ничего не можем изменить.

Фрол некоторое время сидел, бездумно щёлкая тумблером экстренной связи.

– И что же теперь? – наконец растерянно спросил он.

– А теперь только озеро у нас над головой и ошмётки памяти внутри нас, – весело ответил Мишка.

Фрол посмотрел на него, как показалось Мишке, со злостью и сказал:

– Твоя теория никак не объясняет периоды нестабильности озера.

– Ещё как объясняет! – закричал Мишка. – Вот скажи: озеро периоды нестабильности сразу выдавало? С самого начала? Как мы на дежурство засели?

– Нет, поначалу всё шло гладко, но вот примерно полтора года назад это всё и началось.

– Именно тогда у нас стала протекать крыша, – радостно сообщил Мишка.

– Ну и что?

– Тазик, – заявил Мишка страшным голосом.

– Что?

– Ты его куда выливаешь?

– В унитаз! – воскликнул Фрол и поглядел на Мишку с некоторой тревогой.

– Я так и знал, я так и знал!! – заорал Мишка и даже подпрыгнул.

– Ты успокойся, пожалуйста, – сказал Фрол. – Я заметил, ты мало спишь в последнее время. Ты случайно, бензол кофедрина не принимал?

– Я не свихнулся, Фрол, – заявил Мишка. – Хоть и был на грани. Просто многое вспомнил, и это мне нелегко далось. Но я всё проверил. Это всё из-за того, что я всегда выливал тазик в слив душевой кабины, а ты в унитаз. Ты провоцировал гидроудар, понимаешь? Микроскопический, но его было достаточно, чтобы взволновать озеро. В статичном мире, оказывается, очень легко вызвать волнение.

– Как ты до этого додумался? – подозрительно спросил Фрол.

– Просто сопоставил графики, – сказал Мишка. – Озеро всегда начинало штормить в твой тазиковый период.

– И что нам это даёт?

– Понимание. Наконец-то у нас есть понимание движущих сил внешнего мира.

– Так. Я понял, – демонстративно спокойно сказал Фрол. – Движущие силы в унитазе.

– Да нет же!! – снова заорал Мишка. – Это всего лишь доказывает, что мы в силах всё изменить, свернуть с этой бесконечной колеи. Которая завела нас в тупик. Который не имеет выхода. Но так не может больше продолжаться, не должно! Мы можем снова пойти по пути прогресса, понимаешь ты, дубина?

Фрол снова пощёлкал тумблером и спросил:

– Я так полагаю, что ты уже придумал, как нам пойти, э-э-э, по этому самому пути?

– Освободить у эмпагов производственные силы, чтобы образовалась дополнительная социальная прослойка, – стал перечислять Мишка, лихорадочно загибая пальцы. – Выйти из-под экономической зависимости орбитальной станции. Расширить ареал обитания. Организовать исследовательские экспедиции. Самим вылезти, наконец-то, на поверхность!

У Мишки кончились пальцы, и Фрол, чтобы помочь ему, сказал:

– Хорошо, я вижу, ты всё продумал. Но вот, например, эти самые производственные силы. Откуда они возьмутся?

– Так канифольщики же. Просто перекрыть эти дурацкие рельсы, которые ведут к какой-то дурацкой стенке. Чтобы парни не занимались бессмысленным трудом. Чтобы вагонетки не укатывались в лес, а сразу возвращались в озеро. Чтобы не надо было канифолить.

– Как перекрыть?

– Да перерезать их плазменным степлером!

– Ух ты. И кто же это сделает?

– Вот он, – сказал Мишка и кивнул на Колясика. – Ты ведь этот агрегат уже освоил?

У Колясика от восторга аж кишки затряслись. Вот. Наконец-то. Только сейчас он явственно понял, как же соскучился. Родина звала со страшной силой. А со степлером он обращаться и, правда, уже навострился.

– Ты же не против? – спросил Мишка у Колясика, но тот лишь башкой помотал.

И под скептическим взглядом Фрола, Мишка наскоро снарядил Колясика: зачем-то собрал ему в непромокаемый рюкзак кучу еды, сунул туда же книжку про приключения четверых друзей с длинными ножиками и, торжественно вручив плазменный степлер, снабдил дыхательным аппаратом и выпнул в кессон.

– Мне кажется, ты его как-то небрежно проинструировал, – осторожно заметил Фрол.

– Да ерунда, всего делов-то пару рельсов расплавить, – сказал Мишка.

– Ты давай дронов своих запускай, будем наблюдать за историческим моментом.

Пока Фрол запустил дронов, Колясик уже выбрался на берег, и они увидели, как он, размахивая плазменным степлером, несётся через посёлок с воплями:

– Масла всем поровну! Масла и сисек!! И пусть никто не лезет без очереди!!!

Фрол хохотал, а Мишка, схватившись за голову, с ужасом наблюдал за действиями своего протеже. Вот Колясик, лупя плазмой куда ни попадая, ворвался в хижину старших медиаторов. Следящий дрон на секунду замешкался снаружи, и когда появилась картинка, покрытые ожогами Пашенька и Джоник уже корчились на полу. Звонкие щелчки плазмы согнали старших медиаторов в угол хижины. Старики, подняв руки, выли в голос,

а Колясик всё не унимался, всё долбил из степлера, никуда особо не целясь. Судя по всему, ему просто доставляли наслаждение щёлчки выстрелов.

– И как тебе такой прогресс? – спросил Фрол, но Мишка ничего не ответил.

9.

Покачиваясь в гамаке, обожравшийся маслом Колясик с тоской глядел на ведёрную бадью, установленную в центре хижины. В бадью капало. Раньше в этой хижине заседали старшие медиаторы, но теперь им заседать некогда, теперь они все на общих работах. Канифолят как миленькие. Потому что в Легенде о Последнем из Модераторов так и сказано: «Труд физический не постыдней труда эмпатического и полезней для здоровья». Сначала Колясик хотел их припахать выливать воду из бадьи, но вовремя сообразил, что эту обязанность надо сделать почётной. Поэтому сегодня воду на крышу таскала отличившаяся ночью Манюня.

Последним из Модераторов хорошо, классно устроились: им вода из озера в тазик сама капает. А тут приходится по несколько раз в сутки наполнять бочку на крыше. Ещё и намучились, пока течь нормальную отрегулировали, а то сначала шибко шустро накапывало, часто бегать приходилось. Но Колясик проявил настойчивость, и теперь всё у них было как у Модераторов – два раза в день и два раза за ночь.

Колясик поморщился и перевёл взгляд на обеденный столик, где сиротливо стояло блюдечко с подкопчёнными миногами. Миноги унимали изжогу, но вызывали понос. Каждое утро теперь перед Колястиком стояла дилемма: понос или изжога? Изжога или понос? И никто, ни одна живая душа в посёлке, не в состоянии ему посочувствовать. Разве что Манюня.

Робко постучавшись в дверь, вошёл Стасик. И замер на пороге.

– Вот ты зачем стучал? – брюзгливо спросил Колясик.

– Так ты же теперь-то аж старейший медиатор, – прошептал Стасик. – Как без стука-то?

– А чего тогда без разрешения вошёл? А? Если в дверь постучал, так стой и жди. Жди, когда пригласят. Нет, прётесь все. Никакого этикету не понимаете. А план по слухам не выполняем. Распустились. Вот я вас всех.

Колясик сделал вид, что тянется к плазменному степлеру, который висел у него над головой. Стасик присел от страха.

– Так откуда плану взяться, если жратвы теперь у всех одинаково? Чего ты сразу щёлкать то?

Но Колясик щёлкать не стал. Напротив, он застыл в гамаке с вытянутой рукой и, потеряв равновесие, чуть не вывалился на пол.

– Поясни! – потребовал Колясик у Стасика, который всё ещё пребывал в полуприсяде.

– Да чего тут пояснять, – слегка осмелев, заговорил Стасик. – Ясно же. Раньше медиаторы всех впроголодь держали: чуть норму не выполнил – без пайки остался, и к девкам не пустят. А ты вон какой молодец, всем всё поровну сделал. Так какой теперь им смысл упираться? Они теперь бражку

по углам глыкают, да девок обжимают. А слово им скажешь, сразу нервничать начинают.

– Нервничать?!

Колясик выпрыгнул из гамака и, заложив руки за спину, начал ходить из угла в угол. Стасик стоял, вытянувшись в струнку и наглухо заблочившись. Вошла Манюня и, томно улыбаясь, вылила воду из бадьи в ведро и снова вышла, потащила воду на крышу. Было слышно, как она шумно наполняет бочку. Колясик подумал, что завтра на воду надо будет Анечку поставить.

– А ну давай всех свободных от дежурства на построение, – приказал Колясик. – Я им понервничаю.

– Не послушают меня, – угрюмо произнёс Стасик. – Дай щёлкалку.

– Я им не послушаю.

– Ну, дай, а?

Колясик лишь пристально взглянул на старого друга.

– Скажи лучше, ты спиной ведь чуешь? – спросил он.

– Ничего я не чую, – испугался Стасик.

– Ты же вон как ловко предсказал, что меня топить будут! Ну попробуй ещё разочек. Очень мне надо знать, что дальше будет.

– Ничего я не предсказывал! – сердито ответил Стасик.

Колясик отвернулся.

– Ты вот что, – сказал он. – Ты сегодня ночью спать не ложись. И ключи от склада у дежурного возьми.

– Зачем?

– К Озеру пойдём. Жратву топить будем.

Стасик ушёл, а Колясик снова взгромоздился в гамак мучиться изжогой и тревожными мыслями.

Понять бы, что за прогресс такой, о котором рассуждали Последние Модераторы... Во благо он или в наказание? И кому он вообще нужен. Колясик понимал, что Модераторов не устраивает положение вещей в посёлке. И его самого это положение не устраивало. Но так было всегда. По крайней мере, так всегда утверждали старшие медиаторы. Но вдруг брешут? Колясик мучительно пытался припомнить, а как было раньше? Но воспоминания о детстве были зыбкими и походили на сон. А был ли тот мальчик, в памяти которого оставались воспоминания о пришельцах в тяжёлых бронжилетах?

Колясик вздохнул и съел ломтик подкопчённой миноги.

10.

Сначала Фрол даже не поверил себе, когда засёк на локаторе отметку орбитального лифта. Он даже запустил дрона, чтобы убедиться: да, красиво отсвечивая на солнце, вниз по трубам, используя их как направляющие, прёт кабина лифта.

– У нас гости, – сказал Фрол.

Мишка подошёл к мониторам и успел увидеть, как лифт плюхнулся в озеро. Ещё он успел подумать, что у них не прибрано. А когда она вышла из кессона, Мишка сразу её узнал. Та самая женщина из архивных файлов.

- Привет, мальчики, – сказала она.
- Здравствуйте... – начал Фрол и споткнулся.
- Изольда, – подсказала гостя из кессона.
- Здравствуйте, Изольда!

Мишка молчал. Изольда весело оглядела его с ног до головы и сказала:

– А вы, Михаил, изрядно располнели за последние годы.

Мишка насторожился, но продолжал молчать, он не знал, что ответить.

– Изольда, мы очень рады, – сказал тогда Фрол. – Мы давно уже ждём смены, но почему вы одна?

– А сколько надо? – рассмеялась Изольда.

– Слушайте, – растерянно сказал Фрол. – Но ведь дежурных положено двое? Или в инструкцию внесены изменения? Должен сказать, что я бы категорически не советовал оставаться на дежурство в одиночестве, тут, знаете ли, всякое бывает.

– Я знаю, что записано в инструкции, я её сама составляла. Но я вижу, произошло недоразумение, – прервала его Изольда. – Я не на смену вам, я, если можно так выразиться, прибыла с инспекцией. Я, видите ли, на сегодняшний день, нахожусь в должности Генерального и Исполнительного директора орбитальной станции.

– Так вот ты какой, Последний из Модераторов, – пробормотал Мишка.

11.

Колясик понимал, что всё идёт не так, как надо, но *как* надо – он не знал. В книжке про восстание ничего не говорилось об том, как надо после. Там, кстати, их вообще всех перестреляли. А в книжке про мушкетёров, которую напоследок Мишка подсунил Колясику, кстати, четырём чуварищам вовсю помогали тамошние Модераторы. А Колясику в одиночку приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы посёлок выполнял план по затоплению. У него всё сильнее зрело желание взять, да и не выполнить этот самый план. И поглядеть, что будет. Потому что зачем надо выполнять план, никто в посёлке не знал. Может, Модераторы на дне Озера знали, но он забыл спросить.

Между тем реформы Колясика потихоньку продвигались. Дефицит продовольствия, который он организовал, притопив со Стасиком в Озере часть запасов со склада, дал результат. Народ в посёлке перестал спиваться и подумывал о возрождении первобытной рыбной ловли. Чтобы отвлечь подопечных эмпатов от крамольных мыслей, Колясик ввёл обязательное чтение. Книг было мало, и Колясик пересказывал романы, прочитанные на базе Модераторов. Или старый Джоник, освобождённый по слабости здоровья от общих работ на Озере, талдычил на вечерних планёрках бесконечную Легенду о Последнем из Модераторов.

А перепиливать рельсы, которые вели в неведомый лес к таинственной Стене, Колясик и не подумал. Вот ещё! Пусть Модераторы сами со дна поднимаются и перепиливают, раз такие умные. По правде Колясик опасался, что канифольщики, как и предсказывал Мишка, оставшись без служебных

обязанностей, начнут чудить. Колясику и Стасика хватало, от которого проку было мало, а вопросов много. И ответов на эти вопросы у Колясика не было. Так что пусть всё покамись идёт, как заведено, а там поглядим.

12.

– Всё должно идти так, как заведено, а вы своими необдуманными действиями сорвали план по затоплению мёртвых слухов, – надменно сообщила Изольда.

– Меньше всего я думал про план затопления, – резко сказал Мишка. – Я вообще не знаю, зачем он нужен. Может быть, ты нам расскажешь?

Изольда молчала и бездумно щёлкала тумблером на пульте. Видно было, что ей и самой никогда не приходило в голову, а зачем, собственно, нужен этот план... Мишке стало неловко, он спохватился и спросил:

– Это ничего, что я говорю тебе «ты»?

– Ничего, – усмехнулась Изольда. – Когда-то мы с вами действительно общались без церемоний.

– Я помню, – сказал Мишка.

– Да неужели? – Изольда изящно изогнула бровь. – Может быть, вы даже что-нибудь чувствуете?

– Я помню, что чувствовал. Сейчас эмоции погасли, но вернулось знание о тебе. Даже вернее – знание тебя. И мне это неприятно. А раз мне неприятно, значит, я снова научился чувствовать.

– Вы, Миша, явно себе что-то напридумывали, – недовольно произнесла Изольда.

Мишка долго молчал, собираясь с мыслями.

– Мне это трудно объяснить, я ещё и сам не во всём разобрался, но если я правильно расшифровал свои действия за последние годы, то выходит, что я начинал чувствовать, вычистив память до размера эмпата. А потом каждый раз снова чистил память, по мере накопления информации.

Изольда взглянула на него с изумлением:

– Если это так, то значит, вы убили себя, – сказала она.

Мишка усмехнулся, а Фрол, мягко отодвинув Изольду от пульта и приведя тумблер в изначальное положение, тревожно спросил:

– Я так понимаю, это вы в переносном смысле?

– Как знать, – Изольда отошла от пульта и принялась пальцем шупать воду в тазике. – Цена вечности – чистка памяти. Но не до полного обнуления, это ведь потеря личности. А вы, Миша, чистили, по вашим словам, до примитивного уровня эмпатов. То есть удаляли информацию, но оставляли чувства. Вы теперь и не эмпат, и не вечный. Это ли не ментальная смерть?

– Нет, – возразил Мишка, – напротив. Мне кажется, что я ещё никогда не был таким живым. Может быть, я просто стал человеком? Правда, я чуть не сошёл с ума, когда ко мне снова частично вернулась память.

– Этого не может быть, – отрезала Изольда. – После процедуры клининга вечный уже не может вернуть себе память. Даже частично. Это аксиома.

Фрол встал между ними и примиряющее поднял перед собой ладони.

– Слушайте, – сказал он. – Я тоже не знаю, зачем нужен этот план, но я и знать не хочу. Я хочу, чтобы нас сменили. Я устал.

– Да некому вас сменить! – воскликнула Изольда. – Устал он. А я не устала? Вы представляете себе, какие усилия мне приходится прилагать, для того, чтобы держать в узде всю эту свору обдолбанных извращенцев?! Они уже пятьсот лет только и делают, что бухают и трахаются. И в ус не дуют. Численность ордена модераторов когда-то составляла десятки единиц, а нынче на всей станции я одна пытаюсь усидеть в руководстве. В штабе кто спился, а кто надорвался на тяжком поприще сексуальных извращений. А вы сидите тут. Да, мне пришлось даже связь вывести из строя, чтобы не слышать, как вы канючите. У меня других дел по горло. А у вас тут с потолка капает!

Видимо, Изольда сообразила, что сболтнула лишнего и замолчала. А Фрол из деликатности решил ей помочь и свернуть беседу в другое русло.

– Да, понимаю, – сказал он. – А тут ещё с эмпадами проблема...

– А вот проблему с эмпадами нам придётся решать самым решительным образом, – сказала Изольда.

– Может быть, лучше предоставить возможность им самим решать свои проблемы? – спросил Мишка. – И может быть, образом не решительным, а каким-нибудь, ну. Образным, что ли? Они ведь большие специалисты по образам!

– Ни в коем случае, – отрезала Изольда. – Тем более что это не их проблема, это наша проблема.

– И как вы будете её решать? – спросил Фрол.

– Очень просто, – сказала Изольда, промокнув пальцы платочком. – Как всегда. Мы прямо с орбиты ударим по посёлку жёстким ментальным излучением, и они всё забудут. Да-да. В конце концов, это гуманно. Им же надо время от времени забывать обо всех жертвах, о людях, которых они утопили в озере.

– То есть вы уже не первый раз проделываете это? – изумился Мишка.

– Разумеется. Ты и сам это проделывал. Забыл? А говоришь, что всё вспомнил.

Изольда встала, Мишка точно это видел, не мог он ничего такого проделывать, теперь-то он это знал наверняка, что не мог. А Фрол задал вопрос, который, видимо, мучил его:

– Неужели на станции всё обстоит так плохо? Никто не занимается делом, а только развратом и пьянством?

– Представьте себе! – подтвердила Изольда. – Проект, задуманный основателями из «Руссо-вирт», как оплот новой цивилизации, выродился в кучку сибаритствующих нарциссов. Впрочем, есть небольшая группа химиков, которые неплохо продвинулись, изучая алкалоиды. Но они слишком увлеклись результатами, слишком часто ставили эксперименты на себе.

– Так не бывает, – категорически заявил Мишка. – При смене поколений всё равно должен же происходить какой-то отбор, не могут все быть тунеядцами. Не в природе человека.

Изольда усмехнулась.

– И вы никогда не задавались вопросом, а где их дети? – спросила она.

– Мне это как-то не приходило в голову, – растерялся Мишка.

– Правильно, – сказала Изольда. – Уже больше тысячи лет это вообще никому не приходит в голову.

– Больше тысячи? – удивился Мишка.

– Ага, – усмехнулась Изольда. – Детей просто нет. Все выросли. И стали вечными. Вот и вся смена поколений. Станция не может обеспечить население количеством больше двухсот вечных.

Мишка попытался припомнить, когда он в последний раз видел живого ребёнка. Получалось, что в зеркале.

– Хорошо, – сказал Мишка. – Я догадываюсь, почему нет детей у вечных. Но почему не рождают эмпааты?

– Да потому что они тоже вечные. Но не помнят этого. Медиаторы это вечные на пенсии. Те, кто обнулится. И ты таким будешь, если не прекратишь свои эксперименты.

Мишка молчал. У него было чувство, что его стукнули по голове.

– Кстати, я хотела бы к ним навеститься, взглянуть как раз на самого молодого, – небрежно произнесла Изольда. – Он родился всего-то лет двадцать назад. По недосмотру.

Последние слова Изольда проговорила быстро, не очень внятно и не глядя в глаза Мишке. Он уже собрался обрушиться на неё с вопросами, но в последний момент прикусил язык. Ему вдруг стало жалко эту очень, очень старую женщину.

– Это можно устроить, – сказал Фрол. – Экскурсию. Но потребуется некоторое время, чтобы настроить на ваши индивидуальные параметры гидрокомбовый комбинезон. Мы, знаете ли, выходим с базы только в гидрокомбовых комбинезонах.

– Да, пожалуйста, – сказала Изольда. – Куда пройти?

Фрол увёл её в подсобку подгонять комбез, а Мишка, даже не задумываясь над своими действиями, как будто гнала его какая-то сила, взял свой гидрокомб и вышел в озеро. Как будто бы даже и место он помнил, где искать. Недалеко от шлюза. Сразу под сваями, на которых стоял гигантский купол базы. Вот здесь.

Он пошёл головой вниз, слегка шевеля лапами. Первые вдохи как всегда давались с трудом, холодная вода заполняла лёгкие, шкура гидрокомбового комбинезона вращалась в кожу. Вокруг сновали стаи рыб, медуз, мелких моллюсков. Мишка подумал, что для тяжёлой воды слишком много живности в озере, не должно быть так, всё это было как-то не по-настоящему. Но очень красиво.

Под крайней свайе Мишка заметил бугорок и свернул к нему. Он разгребал донный ил руками, поднимая облако мути, не чувствуя как на пальцах уже рвётся тонкая гидрокомбовая оболочка. Он не помнил, но что-то подсказывало: это где-то здесь. Эмпааты бы сказали, что спиной

чуял. И он нашёл. Сперва появился один, а за ним другой бронежилет. В бедной планктоном тяжёлой воде они почти не пострадали. И нагрудные нашивки отлично читались. «АО "Руссо-вирт"». Вот что там было написано.

Сразу из кессона, даже не сняв гидрокомбовую оболочку, Мишка ворвался в дежурку и швырнул мокрые броники на пульт. Изольда, на которую попали брызги тяжёлой воды, вскочила, а Фрол спокойно встал, взял с пульта тазик и пошёл выливать.

– Вот, – сказал Мишка.

– Что? – спросила Изольда, отряхиваясь.

– Вот, – повторил Мишка. – Я вспомнил. Но не всё. Но вот это. Это что?

– А это однажды давным-давно тебе приспичило сходить в разведку, – сказала Изольда, как показалось Мишке, с затаённой грустью. – Ты всё надеялся найти другие очаги обитания.

– И?

– И мы сходили. Я, ты и Фрол. Он, как мне кажется, кое-что помнит. А я всё не решусь удалить эти воспоминания. А надо. Ты же вот решился. Ты тогда был гораздо решительней. И стройнее.

Мишка смущённо пощупал живот, Фрол хмыкнул.

– Подожди, – сказал Мишка. – Ты говоришь, в разведку мы всё-таки ходили. Ну и?

– Ну и упёрлись в пресловутую стенку, – ответила Изольда, закатив глаза.

– Но почему не пошли дальше?

– Потому что дальше началось такое, что и вспоминать тошно. Радиация. Кое-как назад выбрались. Мутанты, аномалии. Хроноклазмы и антимаатерия. Хаос.

Мишка смотрел на неё с недоверием. В его памяти проносились обрывки этого хаоса, много стрельбы, какие-то окровавленные бинты, стрелка компаса, скачущая по кругу, и как все металлические вещи вдруг стали мягкими, а воздух густым, почти твёрдым... Но вот никакого ужаса эти клочки памяти не внушали, а наоборот будили ощущение непередаваемого счастья, наполненности смыслом, уверенности в себе. И ещё там была Изольда, но какая-то совсем другая, несмотря на то, что это, несомненно, была она.

Фрол сказал:

– Всегда ведь можно посмотреть в архивных файлах, да? Там ведь должны сохраниться какие-то отчёты.

– Я смотрел, – сказал Мишка. – Вы, кажется, хотели в посёлок? Милости прошу в кессон.

Они неспешно вышли из озера в сиянии своих гидрокомбовых комбинезонов, величественно ступая на берег, где в страхе застыли эмпапы, прекратив работу всей дежурной смены. Надо отдать должное Колясику, который как раз ошивался вокруг Озера со степлером наперевес, пытаюсь личным присутствием вдохновить нерадивых эмпапов на ударный труд. Он мгновенно сориентировался.

– Милости просим, милости просим! – заорал он, бросаясь навстречу гостям. – А вот и хлеб-соль. По старинной эмпатской традиции.

Он выдернул у Манюни поднос с ломтями белого хлеба, который она как раз принесла Колясику из пекарни. Хлеб этот Колясик нынче один употреблял, ни с кем не делился.

– Пройтись не желаете? – застенчиво спросил Колясик, после того, как Мишка с Изольдой нехотя пожевали хлеба.

– Ты почему рельсы не перекрыл? – грозно спросил Мишка, и Колясик потупился.

Старому корешу пришёл на помощь Стасик.

– Казнить будете? – спросил он.

– Нет, – улыбнулась Изольда.

– Выпить хотите?

– Да, – неожиданно для себя ответил Мишка.

Колясик провёл Мишку с Изольдой в хижину и с гордостью продемонстрировал бадью с водой.

– Это надо было Фролу показать, ему бы понравилось, – сказал Мишка.

– А это что у вас? – спросила Изольда. – Книжки? Вы читаете?

– Так, между делом, – с затаённой гордостью сказал Колясик.

Угостившись бражкой в резиденции Колясика, они разошлись. Мишка взял в оборот Стасика, чтобы он показывал, что и как в посёлке, а Изольда осталась с Колястиком обсуждать прочитанные слушателем книжки.

– Так-то хорошо живём в последнее время, – рассказывал Стасик. – Спасибо Колясику, установил справедливость. Теперь всем всего поровну, а чего не хватает, думаем брать у природы. А то привыкли на Озеро да на Ободок полагаться, а они же не обязаны, надо самим как-то устроиваться.

– Молодцы, правильно, – поддержал Мишка. – А это что?

Он с изумлением смотрел, как по улице шествует процессия клыкастых мышей размером с крупную кошку. При этом глаза у зверьков были закрыты, и шли они неуверенно, спотыкаясь. Следом за ними вперевалку на задних лапах брели причудливые животные, в которых Мишка догадался опознать пресловутых зайцев-шатунов. По виду они всё же больше походили на медведей из документальных фильмов про долажовую фауну, но уши имели длиннющие и характерные заячьи мордашки.

– Зверьё к себе со всего леса гоним, дичь, – охотно пояснил Стасик. – Самоходом. Для продовольственного обеспечения. Мясо вкусное, но вот свежевать-то толком никто уже не умеет, привыкли к консервам, но Колясик придумал, чтобы зайцы саблезубых мышей разделявали. А после и сами с себя шкуры сдирали. Но зайцев в итоге пожалели, шибко смыслёные, мы их вагонетки толкать приспособливаем.

– Но как?!

Стасик засмутился:

– Ты только главной этой не говори, заругает, – наконец произнёс он. – Мы мёртвые слухи теперь тоже частично на самообеспечение пускаем.

Разум зверью ими замазываем. И ещё дронам вашим микросхемы подправили, чтобы нужную нам картинку транслировали.

Мишка смотрел, как зайцы-шатуны загоняют мышиную стаю в сарай, а после устало рассаживаются возле костра на площади планёрок. А там уже сидел на корточках старый Джоник и бормотал речитативом:

– Велел всем вечно шупать воду, в угоду роду. Видеть мысли, читать смыслы. Чуть чувства, как искусство. Слышать запах, мёртвым вкусом забыть память.

Зайцы прислушивались, мучительно шурясь, и даже притопывали в такт когтистыми лапами.

– Совсем Джоник из ума выжил, уже зайцам Легенду о Последнем из Модераторов поёт, – с жалостью сказал Колясик.

Мишка не заметил, как он подошёл. Колясик изменился, появилась в нём уверенность, целеустремлённость. Плазменный степлер висел у него на груди. «Символ власти, – подумал Мишка. – А почему бы и нет?»

Колясик заметил его взгляд и перевесил степлер за спину.

– Ты, я вижу, большие перемены тут произвёл, – заметил Мишка.

– Поверишь, поначалу сам не хотел, – клятвенно заверил Колясик. – Но как-то само понеслось, а теперь уже не остановить.

– Обычно так и бывает, – сказал Мишка. – А где Изольда?

– Там, – махнул рукой Колясик. – Книжку читает.

Мишка молчал.

– Уходить вам быстрее надо, – мрачно сказал Колясик. – А то слух прошёл, что из-за вас Озеро разволнуется. И этот слух не мёртвый.

– Да-да, – засуетился Мишка, – мы скоро, а то и вправду загостились.

Появилась Изольда. Глаза у неё были красные. Она подошла к ним, огляделась. Увидела зайцев-шатунов, увлечённо слушавших Джоника, кивнула. Мишка продолжал молчать, разглядывая Колясика с Изольдой. На них было приятно смотреть, когда они стояли рядом.

– Прощай, сынок, – сказал Изольда и погладила Колясика по щеке.

– Прощай, мама, – спокойно сказал Колясик. – Мы ещё увидимся?

– Вряд ли.

– Ну, может, оно и к лучшему.

– Да, конечно, – убеждённо сказала Изольда. – Разумеется, это к лучшему.

Мишка отвернулся от них, сделал несколько шагов к озеру. Взял из-под ног плоский голыш и запустил его «блинчиком».

– Семь, – сказал Мишка.

– Что? – за спиной у него спросила Изольда.

– Я говорю, нам пора возвращаться. Вас ждут дела на станции.

– Да, – сказала Изольда.

13.

– Орбитальный лифт я верну назад, и вы сможете подняться на станцию в любой момент. Теперь в вашем дежурстве не будет смысла. Впрочем, вы можете продолжить свои наблюдения за эмпаатами. Если хотите.

Изольда последний раз взглянула на дежурных и, резко повернувшись, зашла в лифт. Створки сомкнулись со страшным скрежетом, и она уехала к алмазным чертогам Ободка.

– Но вообще ты молодец, – сказал Фрол. – Дал укорот этой стерве, честно говоря, не ожидал.

– Да? – угрюмо спросил Мишка. – А по-моему, это она тут всем дала укорот. Во всяком случае, она добилась своего: мы остались торчать на базе, а эмпаты продолжают наполнять озеро мёртвыми слухами.

– А чего ты хотел? – пожал плечами Фрол. – Только не говори, что твоя затея с освобождением производственных сил у эмпатов была на полном серьёзе.

– Я хотел не слышать запах, мёртвым вкусом забыть память.

– Не понимаю, – сердито сказал Фрол.

Мишка ничего не ответил. Он прошёл в кабинку гигиены памяти и вынул из шкафчика клининговый шлем. Он наверняка уже очень много раз проделывал это и, видимо, ему всегда было страшно, как сейчас. Он понял, что старается оттянуть момент, думает о постороннем, ведь сколько раз он это уже проделывал можно узнать из архивных файлов. Он громко выдохнул, и начал надевать шлем. Но тут Фрол заорал, и Мишка, уронив шлем, опрометью бросился в дежурку.

– Смотри, смотри, – причитал Фрол и, трясущимся пальцем, показывал в монитор.

Там с неба на посёлок истекало яркое вермильоновое свечение. Все эмпаты валялись в отключке, а поверхность озера словно подёрнулась розовым льдом. Это Изольда нанесла обещанный ментальный удар.

– Что вы так орёте, Флойд? – спросил Мишка. – Я уже подумал, что вы палец прищемили, а это всего лишь конец света.

– А мы теперь на «вы»? – удивлённо спросил Флойд.

– Мне кажется, теперь так будет уместней, – ответил Мишка.

– А что случилось?

– Пока ничего. Но я намерен кое-что предпринять в ближайшее же время.

14.

Слухачи всегда завтракали первыми, и это бесило Колясика. Нет, ему было плевать на двойную пайку масла, которую слухачи получали за свой действительно тяжёлый и действительно квалифицированный труд. Не надо было Колясику двойной пайки, не хотел. У него, вообще, если желаете знать, от масла изжога. Но чувство социальной несправедливости жгло душу, бередило мысли и тревожило сердце. Не так всё должно быть устроено, не так. Вот и в книжке, которую Колясик нашёл в лесу под гнилым пнём, тоже так и написано: «Между тем, мне приходилось действовать в среде духовно чуждой, враждебной к философской мысли, свободе, духовному творчеству, социальной справедливости, всему, что я ценил и чему служил».

Вот. Вот это вот и чувствовал Колясик. Духовную чужеродность среды вечного накопления слухов с последующим их утоплением. Лишь щупач

Славик частично разделял его метания, но и не забывал одёргивать: «Не гони волну, а то пойдёшь ко дну, дорогой чуvariш», – говорил он.

По ночам его терзали кошмары, в которых он переносился в жуткое место, где над ним издевались странные существа в мерцающих одеждах. Старший медиатор Джоник утешал его, утверждая, что это видения алмазных чертогов Ободка. А днями Колясик торчал на Озере, даже в свободные от дежурства дни, и всё глядел в тёмные волны, словно надеясь там разглядеть, откуда приходят вагонетки, наполненные пищей. И так было всегда. По крайней мере, так было ровно столько, сколько Колясик себя помнил.

Колясик взял миску с кулешом, как всегда пересоленным поварихой Манюней, и уселся за стол. Но не успел он и ложку ко рту поднести, как раздался над посёлком тяжёлый набат и все услышали протяжный вопль старшего медиатора Пашеньки:

– Озеро-о-о! Озеро из берегов вышло, волна идёт, спасайтесь!

Вот и хорошо, решил Колясик. Значит, все теперь потопнем. Так тому и быть.

15.

Конец света, устроенный Изольдой, удручал Мишку своей однобокостью. Была в этом всё какая-то незавершённость. Несколько дней он неотрывно просидел, наблюдая за эмтатами, несколько раз тянулся мысленно к шлему в комнате гигиены памяти. Но после того как дрон показал ему Колясика, который с пустыми глазами слонялся по посёлку, Мишка начал действовать. Как устроить цунами, он придумал очень быстро. Он просто протянул шланг от резервуара с пресной водой и засунул его в унитаз. Гидроудар получился на славу. Озеро вышло из берегов, работе подводной базы пришёл конец. Фрол не успел ничего предпринять, ему оставалось только резюмировать:

– Поздравляю, ты в полминуты загубил грандиозный проект. Я догадываюсь, что тебе наплевать на судьбу эмтатов, но для чего ты обрёк на гибель людей с орбитальной станции?

– Никого я не обрекал, – спокойно ответил Мишка. – Станция преотлично сойдёт с орбиты и совершит посадку на маневровых двигателях. Я всё рассчитал. И с эмтатами всё будет в порядке. Особенно после того как вечные со станции будут вынуждены поделиться с ними сохранившимися технологиями.

– Старый мир умер, да здравствует новый чудный мир? – с невероятным сарказмом спросил Фрол. – Эмпаты и вечные заживут вместе? А ты подумал о культурном шоке, который придётся пережить и тем, и другим? А ты учёл фактор биологической совместимости? А ты прикинул хотя бы, на сколько им хватит запасов продовольствия, медикаментов?

Но Мишка всё решил, он не хотел дискуссий, он хотел действовать. Он наскоро собрал рюкзак с самым необходимым и направился к лифту.

– Слушайте, Миша! – окликнул его Фрол. – А что вы, собственно, собираетесь делать?

– Понимаете, Флойд, – через плечо сказал Мишка. – Я собираюсь сделать хоть что-нибудь. Я попытаюсь её убедить продолжать эксперимент. И ещё я хочу попытаться расшевелить это болото.

– И что дальше? – спросил Фрол. – Мы снова засядем на четыреста лет на дне озера?

– Может быть. Но теперь у нас будет надежда на то, что наш маленький мирок сдвинется с мёртвой точки.

– Нет такой надежды, – отрезал Флойд. – С чего вы взяли?

– Мне очень хочется попробовать, Флойд. Понимаете?

– Слушайте, Миша. Это всё лирика. Ну вот станция приземлилась, эмпапы и вечные объединились в новый социум. Допустим. Но ты так и не ответил, а что они все вместе жрать будут? Ведь синтезаторы больше не работают.

– Ну, – неуверенно произнёс Мишка. – Они сделают луки и стрелы и пойдут охотиться в лес.

– Не смешите!

– Я очень серьёзен, Флойд. Я чрезвычайно серьёзен.

– Вы понимаете, что вас просто убьют? Не сотрут память, а именно: раз – и навсегда...

– Я готов рискнуть.

– Но ради чего?

Мишка долго молчал, собираясь с мыслями. Ему очень хотелось, чтобы Флойд понял.

– Когда я разбирал свои архивные файлы, – наконец заговорил Мишка, – я наткнулся на множество изображений Изольды.

– Я догадался, что когда-то вы были близки, – небрежно заметил Флойд.

– Да. И я тоже об этом догадался. А Изольда даже сохранила какие-то воспоминания об этой близости. Но сейчас, когда мы встретились, в нас даже ничто не шевельнулась. А ведь мы любили друг друга. Понимаете, Флойд? Любили. А теперь совершенно забыли эту любовь. Но это не правильно, Флойд. Люди никогда не должны забывать того, кого любили. Люди должны помнить свою любовь. Иначе они не люди, а эмпапы какие-то. Дикие и вонючие.

Флойд молчал, а потом вдруг заявил:

– Возможно, ты и прав. Я бы, может быть, даже попытался бы остановить тебя, но я заметил в словах Изольды одно противоречие, на которое ты не обратил внимания. Она утверждала, что рождаемость остановлена из-за опасности перенаселения станции. В тоже время она призналась, что население посёлка это бывшие вечные. И вот тут возникает одно несоответствие. Откуда же тогда эмпапы берут свои жертвы?

– Ты хочешь сказать?..

– Что на станции вполне себе жизнь идёт своим чередом. А избытки населения они просто ссылают вниз, на Землю. И превращают в эмпапов.

– Но это же...

– Слушай, да, – кивнул Фрол. – Самый обычный каннибализм. Эмпаты топят в озере свои жертвы, реактор перерабатывает тяжёлую воду в сырьё, оно идёт наверх, а оттуда нам присылают продукты. Мы пожираем своих детей.

16.

Лифт шуровал вверх с заметным ускорением, и Мишку всё сильнее прижимало перегрузкой. Сначала он сел на пол, а потом и вовсе лёг. Лифт явно не был оборудован для таких путешествий, но Мишке было плевать. Ему вообще на всё было плевать, с тех пор как он увидел Колясика, бегающего по посёлку с плазменным степлером наперевес. Именно в тот момент пришло к Мишке понимание, что всё, кончилось его вечное дежурство, а вместе с ним и его глупая вечная жизнь. Только надо было сделать напоследок что-то очень важное. И все эти дни он пытался понять – что же именно? И вот теперь понял.

Перегрузка сменилась невесомостью, а потом потолок стал полом, и Мишка понял, что прибыл к месту назначения. Лифт остановился. Всё, приехали.

– Масла и сисек всем поровну, – задумчиво произнёс Мишка и, сняв с предохранителя плазменный степлер, вышел из орбитального лифта.

Из библиографии Константина Шабалдина

Жмот и Жозефина : [повесть] / Константин Шабалдин. – [б.м.] : Издательские решения, 2018. – 176 с.

Зона счастья : фантастическая повесть / Константин Шабалдин. – М.: Аквилегия-М; 2018. – 352 с.

Мирные гады будней : [повесть] / Константин Шабалдин. – [б.м.] : Издательские решения, 2019. – 86 с.

Шагатели : кн. первая / Константин Шабалдин. – [б.м.] : Издательские решения, 2016. – 118 с.

Вырезатели : [рассказ] / Константин Шабалдин // Полдень. – 2021. – № 23. – С. 219–228. – [Рассказ занял 1-е место на конкурсе фантастического рассказа, проведенного альманахом «Полдень» осенью 2020 года, номинант на премию «Интерпресскон», 2022]

Залипание : [рассказ] / Константин Шабалдин // Полдень. – 2021. – № 26. – С. 186–191.

Звонкий дух божества Данай : [рассказ] / Константин Шабалдин // Уральский следопыт. – 2017. – № 7. – С. 50–58.

Илион не был разрушен : [рассказ] / Константин Шабалдин // **Счастье на развес** : проза «Контакта» / Центр. гор. биб-ка им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: «Ник без Compani», 2018. – С. 56–64.

Илья Ильич : [рассказ] / Константин Шабалдин // Мы и классики : сб. прозы / сост. – С. Васильева. – СПб. : «Северо-Запад», 2019. – С. 311–330. – (Серия «Живой металл»).

Кимберлитовая кикимора : [рассказ] / Константин Шабалдин // Уральский следопыт. – 2021. – № 8. – С. 72–84 ; *то же* // **Как Адам Еву нашёл** : «контактовцы» о любви : сборник повестей и рассказов : книга вторая / сост. – Николай Калашников ; Центр. гор. биб-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: «Ник без Compani», 2022. – С. 191–206.

Нововавилонск : отрывок из повести «Перформанс для эльфийского сафари» / Константин Шабалдин // **Время на ладонях** : проза «Контакта» / Центр. гор. биб-ка им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий гор. клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: «Ник без Compani», 2020. – С. 73–79.

Новые полезные ископаемые : [рассказ] / Константин Шабалдин // Полдень. – 2019. – № 15. – С. 32–56.

Мирные гады будней : повесть / Константин Шабалдин // Полдень. – 2020. – № 19. – С. 6–72. – [Лауреат премии журнала «Полдень» (2021), номинация на премию «Интерпресскон», 2022]

Старик, романтика и марсиане : [рассказ] / Константин Шабалдин // Уральский следопыт. – 2018. – № 9. – С. 63–71.

Старики остаются дома : [рассказ] / Константин Шабалдин // Кузнецкая крепость : альманах. – Новокузнецк, 2019 [факт. – 2020]. – С. 232–238.

Польза вредных привычек : рассказ // Полдень. – 2018. – № 10. – С. 76–83.

Точковщик : [рассказ] / Константин Шабалдин // Леди (Самарканд, Узбекистан). – 2021.– 28 января (№ 4). – С. 22–23; 4 февраля (№ 5). – С. 22–23. – [«Литклуб»].

Утки гадят в море : [рассказ] / Константин Шабалдин // Аэлита-012 : сб. фантастики / сост. – Б.А.Долинго. – Екатеринбург : «Уральский следопыт», 2016. – С. 223–228. – (Б-ка «Уральского следопыта»)

Финка : (из повести «Жмот и Жозефина») / Константин Шабалдин // **Второй шанс** : рассказы и отрывки из романов и повестей / сост. – Калашников Н.Н.; Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: «Ник без Company», 2022. – С. 83–87.

Шагатели : [повесть] / Константин Шабалдин // Полдень. – 2016. – № 2. – С. 6–113. – [Номинация на премию журнала «Полдень», 2017]

«Гостиница "Солярис"»; «День рождения шалавы» : пьесы / Константин Шабалдин // https://theatre-library.ru/authors/sh/shabaldin_konstantin

Прошлое, ставшее будущим / интервью с Константином Шабалдиным; вопросы задавала Анастасия Зяблицкая // Новокузнецк, 2019. – 14 ноября (№ 45). – С. 11.

Немиров В. Константин Шабалдин // Кузнецкая крепость : альманах. – Новокузнецк, 2019 [факт. – 2020]. – С. 231.

Инна КИМ

Зона счастья новокузнецкого литератора Константина Шабалдина

Книжки, картинки, уютный круг лампы. Тесный человеческий круг – на всех лицах живая вовлечённость в происходящее. А происходит творческая встреча с писателем-фантастом Константином Шабалдиным, которого новокузнецкие с полным правом могут называть «нашим». Причём её главный герой с первых же минут задаёт тон всей встрече – на экране бард Матвиенко задушевно исполняет своё знаменитое: «...к человеку пришёл человек». И сразу становится понятно, зачем мы все, кто тут есть, побросали собственные дела и притопали в Дом творческих союзов... Чтобы поговорить с человеком – таким и не таким, как ты. Чтобы радостно убедиться в своём неодионочестве.

А начинаются всё необычно – с «Двух минут затмения». Это телесюжет аж 14-летней давности авторства нашего писателя – ему принадлежат и съёмки, и монтаж, и текст. Константин гордится, как он тогда выкрутился, снимая настоящее солнечное затмение без специальных светофильтров, а просто через засвеченные чёрные стеклянные пластины. Получилось атмосферненько! Оператору даже удалось передать мистическое состояние Земли, на 120 секунд оставшейся без Солнца: в абсолютной тишине, наедине с пугающим космосом.

Ни ветерка. Тревожно. Даже тягостно. И вдруг – бежит, бежит! Луч солнца золотого. Он скользит, расширяется, взрывается жёлтым теплом. Мир оживает. Кто-то улыбается, подставляя воскресшему солнышку лицо. А пропавшее на две минуты время опять появляется.

Константин Шабалдин – отличный оператор! Кстати, он окончил журфак Томского государственного университета, но, по его словам, журналистика не подошла ему по темпераменту. Зато операторская работа оказалась в самый раз.

Вечер течёт неспешно. Никакого официоза! Мягкий свет, тёплые разговоры вполголоса – что творчество, что дружба, что счастье любят тишину. Да! Оказывается, сегодня, и правда, День счастья. В поле зрения счастливых, встретившихся с автором нашумевшей «Зоны счастья», вполне себе зримо присутствует сама книжка, явно напрашиваясь на соответствующие аллюзии и аллегории.

К слову, встреча, на которую нас позвал именитый новокузнецкий, неспроста носит звучное название «Организация желаемого будущего» – именно так и звучал авторский вариант «Зоны». Константин Шабалдин признаётся, что позаимствовал его из какого-то вгиковского учебника, когда учился режиссёрскому искусству. Впрочем, проектирование, формирование,

визуализации таинственного пока futurum, на который так хочется повлиять, интересуют не только витающих в облаках кинематографистов, но и, например, очень даже приземлённых маркетологов.

...Да и бог с ними! Просто первоначальное название шабалдинского романа забраквал главред издательства «Аквилегия-М», решившийся напечатать новокузнецанина. Мол, «**Организация желаемого будущего**» больше похоже на учебник и вообще оно некоммерческое, так что названная так книжка и продаваться толком не будет.

А вот Николаю Николаевичу Калашникову – почти бессменному председателю Новокузнецкого клуба любителей фантастики «Контакт» и, представьте, самому первому издателю Константина Шабалдина, – совсем не нравится придуманное московским редактором название «Зона счастья». Может, ревнует?

Что касается писательского счастья, то оно, без сомнения, улыбнулось фантасту Шабалдину ещё когда в его жизни появился «свой» литературный журнал. Да какой! Альманах фантастики «Полдень», где Константин публикуется с первого номера, продолжает традиции журнала-детища легендарных и любимых новокузнецким писателем братьев Стругацких!

И не удивительно – ведь новокузнецанин пишет в жанре «социальной фантастики», когда-то излюбленной самими мэтрами. На сегодняшний день в «Полдне» уже вышли четыре рассказа и две повести Шабалдина, а одна из них даже получила журнальную премию. Вот что называется «попал»!

Все шабалдинские сочинения – исключительно антиутопии с явным анти тоталитарным привкусом. Он и в жизни не питает иллюзий насчёт человеческого будущего, особенно, когда кто-то его «организовывает», решив за всех, чего именно мы желаем. Говорит: ничего хорошего нас не ждёт, мировая культура переживает жесточайший кризис, западная цивилизация на закате, а Россия – её часть.

Но не будем о грустном! Не так давно российское короткометражное кино, в создании которого – как сценарист – принял участие Константин Шабалдин, триумфально объехав все известные международные фестивали, собрало больше десятка разных наград. По словам нашего земляка, в процессе работы над этим фильмом и другими короткометражками он получил очень интересный опыт – столичным продюсерам и режиссёрам требовалась киноадаптация произведений Толстого, Пантелеева, Гайдара.

Такая вот он многогранная личность! А вообще Константин перепробовал все творческие профессии. Работал художником, журналистом, фотографом, режиссёром документального кино, режиссёром монтажа, оператором... Он даже лепит из глины!

«Я сложившийся литератор, но литература сегодня не приносит денег, – делится фантаст. – Например, за книжку «**Зона счастья**» мне выплатили всего 24 тысячи рублей. Понятно, что на такие гонорары не проживёшь».

Зато, на удивление, «выстрелила» художка, которую когда-то окончил Шабалдин. В последнее время он прямо загорелся изобразительным

творчеством – рисует, не остановить! Говорит, наконец-то для этого появились время и возможность. Признаётся, что его «кимберлитовые кикиморы» и другие работы нравятся людям и неплохо продаются, позволяя их автору существовать.

На прощание звучит взволнованный вопрос от робкого молодого новокузнецкого литератора, пишущего в стол: «Как вы поняли, что литература – это ваш путь?».

Задумавшись на минуту, Константин отвечает: «Я этот путь не выбирал, и он меня не выбирал. Литература – это адский труд. Какой вменяемый человек такого захочет? Просто я по-другому не могу – я так живу».

И надо сказать, что, несмотря на публикации и книжки, новокузнецкий писатель-фантаст Константин Шабалдин – совсем не жадный творец. Все его сочинения находятся в свободном доступе, всё можно скачать и прочесть, причём большинство – совершенно бесплатно. **Попробуйте ...** А вдруг понравится!

28.03.2022

<https://nk-tv.com/260181.html>

Николай КАЛАШНИКОВ

Некоторые мысли по роману «Организация желаемого будущего»

В «Империи» из «Организации желаемого будущего» зримо встаёт наша страна – разваливающаяся на части. Вполне узнаваем кусочек страны. Впрочем, развал страны уже очень хорошо описан в нашей фантастике. Я помню роман, в котором две улицы воевали между собой – как разные государства. Но вот это деление «Империи» (пока ещё единой – как бы) на Заповедник, Зону (в первой части – игровую) и Столицу (т.е. основную часть «Империи») – вот это уже интересно. Тем более что сама Империя родилась в войне с другими частями большой страны одновременно с рождением Магии. Повезло «Империи» или не повезло в том, что именно на её территории источник Магии, – это вопрос спорный, но ещё и именно тем она интересна не только себе, но и всему остальному миру, что выясняется в финале романа. А вот развал уже «Империи» после первой части романа, как бы не стал пророчеством для нашей реальной страны (того кусочка, что от неё осталось в 1991 году).

Трудно считать «ОЖБ» пародией, но местами она ею дышит. Меня очень порадовала игровая Зона. Надо же автору так сконтаминировать ролевою и компьютерную игры. С огромным удовольствием читал в первой части о драке между сталкерами и орками. Убитые в ней умирали, и над ними загоралась надпись – что-то вроде о «несовместимости с жизнью». В конце драки, точнее – когда её остановил арбитр, надписи исчезали, а убитые поднимались, потирая бока. Ибо возрождаться-то они возрождались, но синяки и шишки чувствовались, похоже, ещё долго.

Или, скажем, порадовали имена в романе – Ярославна и Гэндальф.

– *Здравствуйте, – вежливо сказала девочка, – меня зовут Ярославна.*

– *Так вот по отчеству и зовут?*

– *По отчеству я Всеволодовна. Ярославна Всеволодовна Шуйская. Папа с мамой были не очень образованы, но чокнутые на русской старине. Ну и вот... Можете называть меня Яра.*

Девочка была очень серьёзна, но вор после её слов захохотал.

– *Тогда ты можешь называть меня дядя Гена, но по секрету я тебе признаюсь, что моё полное имя – Гэндальф, мои папа с мамой были чокнутые на фэнтези, – сказал вор отсмеявшись. – Мы с тобой хорошо друг друга понимаем. Что же тебе надо, сестра по несчастью?*

На мой взгляд, прямой намёк на национальности «хоббит», «эльф», «орк» «гэндальф», появившиеся в последней переписи. Но вот с отчеством Яры у автора явный «глюк». В начале второй части она представляется Гэндальфу как Ярославна Всеволодовна Шуйская. А когда к концу книги находит родителей, то папой у неё оказывается – Троян Святовитович (?).

А скажем, стукачи «Перец», «Нава» и «Мертвяк». Какое раздолье ассоциаций. А поймут только любители АБС.

Откуда взялась Зона – ясно. Чувствуется уважение к создателям романа «Пикник на обочине» и фильма «Сталкер». Но вполне «научное» объяснение этого феномена одним из героев во второй части романа не мешает, оно вполне уместно. Деление власти между волшебниками и колдунами – тоже вполне реальное явление, очень оригинально описанное автором.

Вообще, чувствуется большая начитанность автора. И не только, скажем, в творчестве АБС, к которым он относится с большим уважением, или в вообще в фантастике, но и очень широко. Явное влияние, скажем, Честертона («Человек, который был Четвергом»).

Несколько слов о заглавной организации. С одной стороны, это очень распространено. Любой человек старается и желает подготовить себе *желаемое* будущее. Тем более – правитель, который своё понимание будущего (своё желание будущего) распространяет на всю страну. Но вот как специально созданной такой организации я в фантастике не припоминаю. В реальности – да. Любая подпольная организация готовит себе *желаемое* будущее.

(«Керенский. Ну сами посудите – что им делать в подполье?

Ленин. Готовить светлое будущее!» Михаил Веллер. Б. Вавилонская)

Но вот совпадёт ли (даже в случае победы) будущее с *желаемым* этими самыми подпольщиками (не говоря о более широких массах) – сомнительно. Дважды создавалась эта организация в романе, оба раза её ждал крах. Закончились эти организации тем, чем и положено: «А в самом центре Зоны, в маленькой избушке за Бумажным лесом, шло тайное собрание недавно возникшей подпольной организации. Организации Случившегося Прошлого». Вот такие организации в фантастике известны. Самые известные – «Конец Вечности» Азимова и цикл «Патруль времени» Пола Андерсона. Впрочем, учитывая, что организаторами «Организации Случившегося Прошлого» стали «ещё не полностью восстановившиеся после долгого летаргического сна бывшие сотрудники лаборатории по производству синих кристаллов», да и зная о предшествующих организациях, нетрудно предположить, чем закончится её деятельность.

Впрочем, у слова организация не одно значение. Кроме значения субстантивированного, есть ещё и отглагольное значение. Каждый герой романа (а их очень много) своими руками пытается организовать собственное *желаемое* будущее. И это значение тоже заложено в названии романа. Что делает название романа многозначным, полисемантическим.

Более серьёзная организация в романе – Министерство счастья. И более страшенькая. «Железной рукой загоним человечество к счастью». Знаем,

проходили. неизбежно Министерство счастья становится тайной полицией. И при Жреце, и при Николаиче. Хотя в стране магов есть свои отличия. Вместо тюрем – санатории. И как ни удивительно – с санаторным режимом. Чаще всего нам находятся люди, нарушающие «эмоциональный режим». Впрочем, и уголовникам там находится место. Но, как замечает вор Гэндальф, большая часть воров переqualificировалась в волшебники и колдуны. Так что Умение Вор получил бывший повар. Впрочем, в тюрьмах (виноват, в санаториях) всё равно разделение на социально близких и социально дальних сохранилось – не взирая на мягкий режим. Впрочем, Жрец, похоже, был умным человеком (а иначе он бы не стал руководителем и Министерства счастья, и Организации желаемого будущего) и сохранял в санаториях возможный творческий и эмоциональный материал.

Очень интересна фигура министра пропаганды с Умением Баюн. Это ж как его Жрец наладил раз в сутки баюкать три ключевые фигуры в правительстве. Впрочем, на нашего реального премьера Баюна не надо, сам себя хорошо убаюкивает. А наши средства массовой информации, предназначенные для убаюкивания народа, похоже, хорошо убаюкивают прежде всего элиту. Вот не прав был Жрец, наказывая министра пропаганды. В этом-то качестве его заменит любой – даже девчонка, которую чуть-чуть повзрослили. А вот Баюна не след ему было уничтожать, пожалел впоследствии, наверно, не один раз. А министр оказался непростым человеком. Даже в качестве зомби – оказался единственным «интеллектуальным зомби», как говорил Степан, и даже Яре, для участия зомби в общей свалке, пришлось добавить тому обидчивости, убирая «мудрую снисходительность», уловив всего один шевелящийся червячок – зависть к живым. Всего дважды упоминаются президент (и его соратники) романе, но я бы народу предлагал читать этот роман, чтобы задумались о нашем реальном чиновничестве.

О персонажах романа. Их очень много, что делает роман достаточно полифоничным. Сначала о некоторых взрослых. Очень русский характер у Владимира Окунева. Это ж надо, потеряв Умение Праведник, уйти в запой, десять лет пить, чтобы выяснить, что сокровенным желанием (а другие Зона не исполняет) было – бросить пить и стать Праведником. Ну чисто по-русски.

Цельным характером, как оказалось, является и мать Окуня. Ни во что не вмешивающаяся домохозяйка со скромным умением Модельер, да ещё посаженная Жрецом на магические артефакты, ставшая, по сути, наркоманкой, Ольга сумела после «исчезновения» магии и перекройки Зоны из игровой в настоящую практически избавиться от зависимости и стала опытным сталкером.

Типично для русской литературы – найти светлые черты в уголовном и полууголовном мире. Гэндальф – вор, авторитет, по доброму относится к Яре, организует научную экспедицию по изучению Зоны... А бармен, принося лекарства для детей Марине, с обидой ей говорит, что он, конечно,

торгаш, но на детях не наживается. Впрочем, свой бакшиш он всё равно сорвал, разузнав у Марины всё о «смерть-траве».

Сильная, жёсткая фигура Жреца. Возглавлять и подпольную организацию, и тайную полицию – это надо всё-таки суметь. (Опять вспоминается и Честертон, и недавний роман «Анна Каренина, самка».) Но вот мне хочется спросить у автора, кого же Жрец пропустил, говоря Окуню о том, что уже трое погибли, пока за ним гоняются? Ему не интересна маленькая колдунья Соня (дети – только как источник магической подпитки)? Или ему не интересен волшебник Юрий (проштрафившиеся сотрудники списываются им навсегда)? Впрочем, как ни посмотри – всё равно сволочь.

Очень жалко, что в начале второй книги гибнет Николаич. То, что он возглавил Министерство счастья, не могло его не изменить. Но вот этого как раз в романе не показано. Понимая, что он погибнет при нашествии зомби, он становится самим собой, каким был молодым. А каким он был в течение этих десяти лет? Это осталось за кадром.

Но главные герои романа – это всё-таки те, кто в первой книге был ещё ребёнком, подростком. Окунь, Костя, Степан, Лиза, Наташа, Марина и появляющаяся во второй книге Ярославна. И если в первой книге они ведут себя так, как и должны вести себя нормальные подростки – пусть и в не очень нормальных обстоятельствах. Но вот прошло десять лет. Они ведь все должны бы вырасти. Ну ладно. Наташа и Марина вышли замуж, Марина стала ещё и мамой близнецов. Они выросли. Степан всё-таки сталкер, и не в игровой, а настоящей Зоне. Поневоле пришлось взрослеть.

Лиза. Да, ещё в первой части её «повзрослили». А это, наверное, не проходит для психики бесследно. Да, Жрец, сильный маг, покопался в её психике, привил своё мировоззрение – это даром тоже не проходит. Но ведь прошло десять лет, и большая часть, похоже, уже без Жреца. Ладно, мировоззрение он Лизе привил. Но у меня иногда возникало впечатление, что это не взрослая женщина (сколько ей во второй части – 22–23 года?), а двенадцатилетняя девчонка, играющая в во взрослую женщину.

Костя Бобров. Возможно – художественный двойник автора? Своё имя персонажам зря не дают. Все десять лет, похоже, был тылом Окуня, защищал его спину во всех его оперативных делах. Семейный человек, отец близнецов. Но подросток и из него иногда выглядывает. Или это у всех мужчин так, если они вырвались из-под опеки супруги. Впрочем, образ Кости от этого только выигрывает.

Яра. Наверное, самый трагический персонаж (да, собственно, героиня второй части) романа. Девочка, которой замедлили физическое развитие для утех каких-то высокопоставленных извращенцев. Да не замедлили, а, похоже, остановили. А до этого её оставили родители в Зоне, позже её сделали малолетней шпионкой и оперативницей... Духовное взросление Яры тоже не происходило. И в книге мы видим маленькую девочку с тяжёлым накопленным опытом, который появляется не у каждого взрослого. Две задачи у неё для себя: найти родителей (и понять, почему её бросили) и повзрослеть. И если с

первой задачей она справилась (и разочаровалась), то приступить к исполнению второй ей так и не дали. Обиднее всего, наверное, ей было погибать от руки единственного, похоже, человека, которому она симпатизировала.

И, наконец, Анатолий Окунев, Окунь. Главный персонаж всего романа. Но достаточно странный. Как-то он не разбирается в мире, его окружающем. В первой части, скажем, он узнаёт – случайно и уже убежав из посёлка – для чего директор вызывает Лизу, хотя все вокруг (не только взрослые, не только интернатовские, но и с другой половины посёлка) прекрасно об этом давно знают. Во второй части он, наверное, единственный (из причастных к магии) кто узнаёт о том, что магия прекрасно существует, а не уничтожена им в «битве» волшебников и колдунов. Как-то для оперативника у него слишком узкий кругозор, большое самомнение и какое-то умение не думать о друзьях. Умение махать руками – это, конечно, хорошо, но и голову надо бы иметь. И изредка, хотя бы, ею пользоваться.

У меня Окунь вызывает две ассоциации. В первой части (во время «битвы») – с Максимом Каммерером, взорвавшим Центр. Максим тоже не особенно разбирался в обстановке, да и, собственно, никаких особенно необратимых действий не совершил. Но ему это сразу же объяснил Странник. А каким же человеком Окуню надо было быть, чтобы этого ему не объяснили за последующие десять лет. Ну, ладно, Николаич. Он его начальник, может, ему такой оперативник был нужен. А друзья... И Костя, и Степан, и, явно, Марина (у неё же её Умение Лекарь вполне функционировало) вполне догадывались о том, что никак Окунь не уничтожил магию, а лишь чуть видоизменил. Но просвещать Анатолия не стали.

А вот во второй части Окунь у меня вызывает ассоциацию со старым, раздавленным ответственностью за безопасность Земли Рудольфом Сикорски. Тот не видел иного выхода, кроме убийства Абалкина. И, почему-то, Толя тоже не видит выхода, кроме убийства Яры. Хотя прекрасно понимает, что собирается «обделать дельце», за которое ему «потом наверняка будет очень стыдно». Если бы он хотя бы прислушался к тому, что говорила Яра. Вполне приемлемая программа, в которой он мог бы ей и помочь. Будут вычеркнуты из магии те, кого он мог считать своими друзьями... Но, по словам зомби, «кто сказал, что цель оправдывает средства?»

Роман «Организация желаемого будущего» выделяется из общей массы фантастики густотой поставленных нравственных проблем, уважительным отношением к творчеству АБС, совмещением захватывающего сюжета и возможностью думать. А ещё ловить ассоциации и с творчеством АБС, и вообще с хорошей литературой.

И ещё одна интересная черта романа. Я вообще-то не люблю прямых ассоциаций с реальной политикой, но здесь они достаточно тонки и достаточно чётко направлены.

Так что, на мой взгляд, очень интересный роман, Константин. Жаль, что он ещё не издан.

Лето 2016 года

Литературно-художественное издание

Константин ШАБАЛДИН

Озеро мёртвых слухов

Повесть

Вёрстка, корректура, ответственный за выпуск –

Калашников Н.Н.

На первой странице обложки – рисунок автора
«Розовый туман на озере мёртвых слухов, № 3»

Тираж – 30 экз.

Колясик сцепил зубы и невнятно, как будто шептун с подрезанным языком, произнёс:

– Есть. Спinoй чую, что нельзя, дорогие чуварищи!

Сказал и зажмурился. Спинная чуйка штука тонкая, не у всех она есть, а у кого есть, тот чаще об том помалкивает. Потому что с одной как бы стороны почёт тебе и уважуха, раз предвидеть можешь, но с другой – ни в карты с тобой не сядут, ни бражки выпить. Нету доверия, раз спиной чують можешь. Все с тобой будут наглухо заблоченными общаться, а у старших медиаторов ты всегда на особом контроле.

